

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

ПОГРАНИЧНИКИ БЕРИИ

«Зеленоголовых
в плен не брать!»

Владимир Николаевич Першанин
Пограничники Берии.
«Зеленоголовых
в плен не брать!»
Серия «Война. Штрафбат.
Они сражались за Родину»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6377304

*Владимир Першанин. Пограничники Берии. «Зеленоголовых в плен не брать!»: Яуза, Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67094-9*

Аннотация

Новый роман от автора бестселлеров «Командир штрафной роты», «Штрафник, танкист, смертник» и «“Зверобой” против “Тигров”»! Военный боевик о подвигах пограничников Берии в 1941 году.

«Зеленоголовых расстреливать на месте!» – этот негласный приказ Вермахт получил в первые же дни войны. План «Барбаросса» дал сбой уже на рассвете 22 июня – 435 советских погранзастав оказали гитлеровцам ожесточенное сопротивление, которого те не ожидали и не учли. В отличие от командования Красной Армии Берия отдал приказ о приведении

вверенных ему погранвойск в полную боевую готовность за двое суток до нападения Гитлера. Организованно встретив врага на заранее подготовленных позициях, великолепно обученные пограничники нанесли немецким штурмовым подразделениям такие потери, что фактически перед каждой заставой осталось целое кладбище захватчиков.

«Погибаю, но не сдаюсь!» – этот лозунг стал неофициальным девизом погранвойск НКВД, а фуражки с зеленым околышем – пропуском в Бессмертие.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	45
Глава 3	77
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Владимир Першанин

Пограничники Берии.

«Зеленоголовых в плен не брать!»

Глава 1

Еще до войны

Весна сорок первого года выдалась на Волыни холодная, с частыми дождями. В конце мая пришло тепло. Сплошным ковром вымахнула изумрудная трава, зеленели буковые рощи, тянулись вверх вековые платаны и огромные корабельные сосны.

Пограничный секрет в составе двух человек лежал на правом берегу реки Сан. Этот приток Вислы, неширокий в среднем течении, еще не вошел в берега и катился быстрым мутным потоком на северо-запад.

Сержант Николай Мальцев всматривался в тающую пелену утреннего тумана. Его напарник, Петро Чернышов, тоже делал вид, что внимательно наблюдает. Но парень к концу дежурства устал и порядком замерз. В первой половине июня ночи в здешних местах прохладные и влажные.

Пограничный секрет – та же засада. Утомительное наблюдение в укрытии за всем, что происходит в пределах видимости. Короткая ночь показалась Чернышову бесконечно долгой. Он находился на заставе около трех месяцев и, в отличие от Мальцева, еще не успел привыкнуть к ночным бессонным дежурствам. Хотя перед этим давалось полдня, чтобы хорошенько выспаться.

В очередной раз встряхивая головой, Чернышов почувствовал, как его плечо больно сжали пальцы сержанта. Поперек течения быстро двигалась плоскодонка, в которой угадывались три человека. Один из них умело и бесшумно работал веслами. Шла она со стороны польского (скорее немецкого) берега. Лодка причалила шагах в восьмидесяти ниже по течению. С нее спрыгнули двое, оттолкнули плоскодонку, а человек на веслах так же быстро погнал свою легкую посудину снова к левому берегу.

Все это происходило практически бесшумно. Чернышов слышал журчание воды на перекате, стук колес далекого поезда, плеск крупной рыбыны, догоняющей добычу. Но впервые увиденный переход границы поразил его своей быстротой и призрачным беззвучием. Он понял, если бы не Мальцев, сам Петро прозевал бы лодку – слишком стремительно все происходило.

Действия наряда в таких случаях отрабатывались десятки, если не сотни раз, на занятиях в учебном отряде и позже на заставе. Сбросив шинели, оба пограничника бежали

наперерез людям с другой стороны. Мальцев с автоматом ППД, Чернышов с винтовкой. Чужаки, увидев пограничников, бросились в разные стороны.

– Беги за тем, – отрывисто приказал Чернышову сержант. – Не упусти.

Человек, за которым бежал сам Мальцев, носил обычную одежду местных жителей: пиджак, брюки с напуском, сапоги.

– Стоять! Вы нарушили государственную границу.

Это было обязательное предупреждение. Совершенно ненужное для людей, прекрасно знавших, что они делают. Мальцев, служивший без малого два года, не сомневался, что догонит чужака, хотя тот бежал довольно быстро, лишь изредка оглядываясь. Николай прибавил ходу, а нарушитель вдруг исчез.

Сержант тоже остановился. Он догадался, пришелец с другой стороны укрылся за деревом, а что последует за этим, один бог знает.

– Выходи на открытое место, иначе открываю огонь.

Мальцеву не нравились эти игры в прятки. В конце зимы нарушитель, которого он поймал, не пытался убежать, а сразу поднял руки. Но с зимы многое изменилось. И переходы пошли чаще, и на левом берегу прибавилось немецких войск. Нарушители стали решительнее, наглее и несколько раз вступали в перестрелку с пограничниками.

Мальцева беспокоило и то, что его напарник упустит вто-

рого чужака. Время тянуть было нельзя, но и срываться без оглядки вперед показалось сержанту рискованным. Николай уже приобрел за время службы то, что называется чутьем. Он повидал контрабандистов, беженцев, обычных крестьян, навещавших через границу родственников. Попадались люди с военной выправкой, непонятным взглядом, кое-кто имел при себе оружие.

С такими разбирались в особом отделе пограничного отряда и называли их киношным словом «шпион», которое сами погранцы употребляли редко. Чаще именовали их нарушителями, чужаками. Сейчас Мальцев явно почувствовал опасность.

– Вылезай, если не хочешь словить гранату. Быстрее.

В утреннем лесу негромкие слова были слышны далеко. Николай щелкнул затвором, сделал один и другой осторожный шаг. Услышал голос напарника, преследующего второго нарушителя, и в тот же миг ударил выстрел.

Пуля прошла в полуметре. Свист и щелчок о сосну заставили Мальцева отшатнуться. Человек в сером пиджаке выстрелил еще раз. Сержант увидел в его руке длинноствольный маузер, а пуля разрежала воздух совсем близко.

– Доиграешься. Бросай оружие!

Третья пуля выбила оранжевое облачко сосновой коры. Острая щепка вонзилась в шею. Игра разворачивалась по крупному. Чужак знал, что пограничникам предписывалось открывать огонь в крайнем случае. Рассчитывал если не под-

ковать сержанта, то приуремить пыл, остановить, а затем скрыться.

Дальше по склону холма начиналась густая чаща, в которой человек мог раствориться бесследно. Николай дал очередь, целясь в ноги. Здесь, на пограничном рубеже, существовали свои законы. Если в тебя стреляют, то сто китайских предупреждений не делают. По крайней мере те, кто постиг службу и не оглядываются на осторожные инструкции, которые можно толковать по-разному.

Приклад автомата ППД, к которому Мальцев привык как к родному, толкнул в плечо отдачей. Очередь взбила фонтанчики сухой хвои у ног бежавшего. Человек обернулся. Чего ты машешь своим маузером? Жри!

Пули хлестнули по сапогам, чужак вскрикнул, выронил оружие и покатился по земле, зажимая левую ногу. Мальцев, подбежав, отбросил в сторону маузер и наклонился над раненым.

Кажется, перестарался – левая нога перебита, вторая тоже прострелена. Из дырок в сапоге и штанины толчками вытекала кровь. Николай действовал быстро, прислушиваясь к шуму и голосу Чернышова на берегу.

Накладывать шину было некогда. Перетянул жгутом ноги под коленями, связал куском бечевки руки за спиной. Поймал наполненный болью и ненавистью взгляд мужика лет сорока пяти.

– Если подохну... перед своими же ответишь.

Это не украинец и не поляк. Судя поговору, русский. Похоже, из бывших офицеров.

– Полежи, отдохни. И не дергайся.

Подобрав маузер, кинулся к реке. Пробегая мимо тайника с телефоном, прикинул: может, позвонить сначала на заставу? Не захотел терять минуту на объяснения дотошному дежурному. На заставе наверняка слышали стрельбу, поймут, в чем дело. Важнее выяснить, что там у Чернышова.

Выскочив на берег, увидел странное зрелище. Петро Чернышов стоял, держа винтовку наготове, целясь в человека, с поднятыми руками медленно отступавшего по воде.

– Стоять! – время от времени кричал Чернышов и угрожающе двигал стволом.

– Стою, стою, – послушно отвечал нарушитель, парень лет двадцати трех, и делал пару шагов в сторону левого берега. – Только не стреляй... я поляк. Понял? Мирный поляк.

На противоположном склоне стояли человек семь немецких солдат и офицер. Они пересмеивались и махали руками.

– Русские, в нашу сторону не стрелять. Конфликт... провокация.

Немецкий офицер говорил по-русски довольно чисто, с характерным акцентом. Нахватался слов, которые любят повторять приезжающие на заставу проверяющие, особенно политработники.

– Я родню приезжал побачить. Оружия нема, контрабанды тоже, а вы стрелять в меня собрались.

Тихая размеренная речь и снова два шага к левому берегу. Убаюкивает Петьку, а посреди речки линия границы. Уйдет ведь, паскуда.

– Двинься с места, и я тебе яйца отстрелю, – свистящим шепотом пообещал Мальцев.

Немецкий офицер засмеялся. Ему было интересно, что произойдет дальше. Он знал, как скованно ведут себя русские в приграничной полосе. Не секрет, что им предписано всячески избегать стрельбы и открытых конфликтов. Летчики Красной Армии никогда не стреляли по самолетам-нарушителям, зенитчики тоже лишь наблюдали.

Но пограничники принадлежали к ведомству НКВД, в Германии хорошо был известен их могущественный шеф, Лаврентий Берия, земляк и ближайший помощник Сталина. Заставы были хорошо вооружены, а бойцы в зеленых фуражках, подготовленные, физически крепкие парни, действовали хоть и осторожно, но уверенно.

Лейтенант понял, что широкоплечий светловолосый сержант не намерен упускать добычу. Судя по автоматным очередям, он уже расправился с одним из людей, которым немецкие саперы помогли пересечь реку. Лейтенанту было приказано ни во что не вмешиваться. Да он и не рвался помогать людям, которых офицеры Абвера сопровождали до реки и напутствовали. На армейских офицеров абверовцы смотрели с легким пренебрежением. Если так, то расхлебывайте неудачу сами.

Солдаты, окружавшие лейтенанта, тоже улыбались, но винтовки и автоматы держали наготове. ППД Мальцева висел на плече. Если в лесу он открыл огонь без колебаний, то здесь требовалась осторожность.

Не раздумывая, Николай вошел в воду, догнал пятившегося парня, перехватил за шею и руку и поволок на берег. Из рта нарушителя вырвалось придушенное:

– Убивают... большевики убива...

– Заткнись, – выволакивая нарушителя, как куль с мукой, шипел Мальцев.

Офицер выплюнул сигарету и строго крикнул:

– Убивать нельзя. Можно отпустить...

– Сейчас выпущу, дождайся, – бормотал Николай и раздраженно окликнул застывшего напарника: – Убери винтовку, не дразни союзников. Лучше помоги.

Когда парня скрутили, сержант козырнул офицеру:

– Все в порядке.

– Порядок, – согласился немец. – Попался гриб, лезь в кузов.

Если офицер снова улыбался, то один из солдат мрачно крутил на ремне автомат, то поднимая, то опуская ствол. Мальцев это заметил, но не подал виду. Хотя стало не по себе. Врежет очередь, и уйдет вся компания как ни в чем не бывало. Наглеют немцы.

Но уже слышался топот приближавшейся подмоги. Союзники-германцы не спеша шагали прочь от места происше-

Начальник заставы капитан Журавлев вначале послал Мальцева к санитару Фомиченко. Ефрейтор ловко извлек пинцетом острую щепку, вонзившуюся в шею, протер кожу йодом и перебинтовал, несмотря на протесты Николая.

– Чего я как клоун с ошейником ходить буду!

– Как же без повязки? Боевое ранение, – ухмылялся ефрейтор.

Носатый, с покрытыми оспинами лбом, Данила Фомиченко убрал бинт, ножницы и объявил:

– Можешь идти. Там тебя начальство заждалось. Опять хвалить будут. Может, медаль получишь.

– Пошел ты!

Хвалить его вряд ли будут, но капитан – мужик опытный и справедливый. Разберется.

Иван Макарович Журавлев выслушал доклад сержанта, задал несколько вопросов, затем сказал:

– Молодцы, что нарушителей не упустили. Решительно действовали.

Мальцев никак не отреагировал на одобрительную оценку. Покосился на политрука Зелинского. Запустив пальцы в свою густую кучерявую шевелюру, тот что-то отмечал в блокноте. Опять пишет. Значит, недоволен.

– Крепко ты того мужика уделал, – вздохнул Журавлев. – Кость на две половинки. В окружной госпиталь повезли.

– А куда деваться? – по-простому объяснял ситуацию Мальцев. – Не абы с чем, а с маузером приперся. Три раза в меня стрелял.

– Это понятно. Если нарушитель оказывает вооруженное сопротивление, отвечать надо соответственно.

Политрук Илья Борисович Зелинский, оттопырив локти, вписал в свой блокнот какое-то важное слово и выразил свое отношение к происшествию.

– Вы, товарищ Мальцев, опытный пограничник, но пальбу зря открыли. Одиннадцать пуль в нарушителя выпустили. Хватило бы одной или двух. Грохот на весь берег.

Возможно, Николаю следовало ответить: «Виноват!» Но сержант виноватым себя не считал. Сейчас легко рассуждать, а когда в тебя садят с полусотни шагов из маузера, на все по-другому смотришь. Однако политрук считал, что Мальцев не понимает остроту ситуации, и напомнил ему:

– Обстановка на границе сложная. Глядя на вас, и подчиненный Чернышов такую же пальбу поднял бы.

– Не поднял бы, товарищ политрук. Чернышов парень выдержанный. К тому же у него винтовка. Если бы и выстрелил, то раз или два, как вы советуете.

– Я стрелять никому не советую! – возмущенно удивился Зелинский. – Вы что, совсем бестолковый?

– Стараюсь, – неопределенно ответил Николай.

Журавлев, пряча улыбку, погладил коротко стриженную голову. Он знал Мальцева более года и ценил его как решительного и опытного пограничника, знающего свое дело. Оружие и прочие вещи задержанных отвезли в отряд. На заставе имелся именной маузер у старшины Будько. Как крепко бьет эта реликвия Гражданской войны, все хорошо знали. Двухдюймовую доску навывлет прошибает, под такую пулю лучше не подставляться. Поэтому капитан поддержал Николая:

– С маузерами шутки плохи. Это хорошо, что ты его обездвигил.

– Изрешетил, а не обезвредил. Помрет чего доброго, – нервничал политрук.

– Говно не тонет. Выживет, – отпарировал начальник заставы. – Значит, смеялись немцы?

– Дурака валяли.

– Это они любят. Самолет облетит наш аэродром или артиллерийский полк, после извиняются. Приборы навигации не так сработали, хотя видимость на полста километров. Культурная нация.

– Культурная, – подтвердил Илья Борисович Зелинский. – Товарищи Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Всякие там Шопены, Гете...

– Как Чернышов действовал? Для него, считай, боевое крещение.

– Нормально. Второго нарушителя под прицел взял, не

дал уйти.

– Ладно, иди отдыхай, Николай, – закончил разговор Журавлев. – На вечернем разводе объявим обоим благодарность.

– Насчет отпуска ничего нового?

– Какой отпуск? Разве не знаете обстановки? – встрял Зелинский. – Повышенная боеготовность.

– Знаю. Но отпуск еще на день Красной Армии объявили. И перед майскими праздниками обещали.

– Не об отпусках, о службе надо думать.

Политрук был как всегда прав. Что ни слово, то истина. Хоть и прописная. Про службу и про осторожность на границе. Когда Мальцев вышел из здания заставы, Петр Чернышов спросил:

– Ну что там, не ругались?

– Благодарность обещали объявить.

– Слава богу. Я думал, шум поднимут.

– Шум подняли бы, если б шпионов упустили.

– Они точно шпионы? – озабоченно спросил Петро, которого чаще называли Чернышом.

– О том мы никогда не узнаем. Да и не наше это дело. А вот винтовку больше никогда в сторону немцев не наставляй. Понял?

– Чего не понять?

– Пошли тогда оружие чистить и завтракать.

Дежурный, принимая автомат, винтовку, патроны и грана-

ты Ф-1, механически глянул в стволы. Сделал запись о расходе боеприпасов: одиннадцать патронов к автомату.

– Пострелял, Николай?

– И в меня тоже постреляли.

– Я видел этого, с перевязанными ногами. Волчара еще тот, зыркает, сожрать готов. Правильно, что не церемонился.

В столовой было пусто. Ночные дозоры уже позавтракали и отправились спать, вечерние готовились к дежурствам. Кормили пограничников хорошо. Пшенная каша с мясом, хлеб с маслом, крепкий горячий чай.

Повар был тоже в курсе происшествия и мяса не пожалел.

– Еще молоко имеется. Будете?

– Мне достаточно, – ответил Мальцев. – Может, Черныш захочет.

– Я буду, – сказал Петро.

Повар глянул на перевязанную шею сержанта.

– Зацепили, Микола?

– Щепка острая отлетела. А пули мимо прошли.

– Сегодня мимо, а завтра...

Повар, растолстевший на своей сытой должности, по-бабьи, подперев кулаками подбородок, раскачивал головой в белом колпаке.

– Осенью, помнишь, Гуськова Антона прямо в лоб уделали.

– Помню.

Николай дождался, пока напарник допьет молоко, и под-

нялся. Только сейчас почувствовал усталость и даже мелкую дрожь в руках. Как ни крути, а побывал сегодня рядом со смертью.

* * *

На следующий день Журавлев вместе с Зелинским ездили на совещание в пограничный отряд. Ничего особенного, еженедельная накачка командного состава. Услышали последние новости.

Комиссар рассказал об активизации работы компартии Болгарии. Там проходят массовые митинги трудящихся с осуждением реакционной политики болгарского царя, заключившего союз с Гитлером. В Албании ширится партизанское движение против итальянских поработителей. Греческий патриот Манолис Глезос сорвал с афинского Акрополя фашистский флаг и водрузил на его место греческое национальное знамя.

Затем комиссар призвал всех еще раз к бдительности, потребовал не поддаваться на провокации и, утомившись, закончил довольно длинную речь.

Начальник пограничного отряда подполковник Платонов был более конкретен и в мировые проблемы не лез. Вел разговор о текущих задачах на охраняемом участке. Отметил, что только за последнюю неделю зафиксировано около двадцати случаев нарушения границы.

В основном идут навесить родственников, стараясь миновать посты. Есть контрабандисты, несут из Польши на продажу тряпки. Поймали при переходе на ту сторону местную жительницу, у которой обнаружили план аэродрома, где сосредоточен истребительный авиаполк.

– Это уже стопроцентная шпиенка, – наклонился к Журавлеву начальник соседней, пятой заставы, старший лейтенант Артем Ясковец. – Где же она его прятала? Не иначе, в трусах.

Предположение старшего лейтенанта услышали, прокатился негромкий смешок. Платонов, массивный, с бритой головой, поддержал смех и шевельнув щеточкой усов, заметил:

– Насчет аэродрома немцы осведомлены отлично. Его уже не раз самолеты-разведчики облетали. Ну, захотела тетка подзаработать, а не получилось. Ребята на восьмой заставе бдительность проявили.

– Ерунда какая-то, – не выдержал молодой начальник пятой заставы Ясковец. – Аэродром в двенадцати километрах от границы расположен. Если что, его из тяжелых орудий за полчаса уничтожат. Я уже не говорю про вражескую авиацию.

Поднялся шум. Сразу отреагировал комиссар отряда.

– Кто разнесет? Что за ерунда?

– Кому надо, те и разнесут, – упрямо лез на рожон старший лейтенант. – И чьи-то караули, под одеждой спрятан-

ные, не понадобятся.

– Аэродром надежно замаскирован, – важно произнес комиссар отряда. – Наготове дежурные истребители. И не наше дело обсуждать дела летунов.

Подполковник Платонов перевел разговор на другую тему. Напомнил о непростых взаимоотношениях с местным населением, которое частично сочувствует националистам и готово идти на сговор с немцами.

– А если конкретно, то призываю всячески укреплять отношения с местными жителями. Вот, на третьей заставе в прошлое воскресенье концерт провели. Местных жителей много пришло, особенно девушек. Хорошее дело.

– Бойцы уже поняли, – снова подал голос Ясковец. – Невестами активно обзаводятся.

– Тоже палка о двух концах, – развел руками подполковник. – Молодые, как их удержишь. Но нелишне напоминать бойцам, чтобы не увлекались. В артиллерийском полку лейтенант бесследно пропал. Вроде пошел на свидание, и с концами. Проводится расследование, однако результатов пока нет.

– Бандеровцы сработали, – сказал кто-то.

– Может, и они. Напоминаю, что в увольнения по одному ходить запрещено. Узнаю, пеняйте на себя.

Затем подняли Журавлева. Он доложил подробности задержания двух нарушителей. У старшего группы изъяли маузер с запасом патронов, записную книжку, хороший

электрический фонарь и батареи, которые могут служить для питания рации.

– Четко твои ребята сработали, – одобрил действия подчиненных Журавлева начальник отряда. – Старший пытался отстреливаться, но был ранен. Птица не простая.

Подняли еще одного командира заставы. Напомнили, как дозор упустил нарушителя.

– Он до реки добежал и сразу на тот берег поплыл, – оправдывался лейтенант. – Ребята стрелять вслед не стали, там немецкий патруль с пулеметами находился. Я считаю, огонь открывать в такой ситуации было нельзя.

– Нельзя, – согласился Платонов. – Но если мы нарушителей упускать будем, за какой хрен нам деньги платят? У Журавлева сержант грамотно сработал, отрезал одному путь к реке, ранил в ноги после короткой перестрелки, а второго за шиворот из воды выволок. Кстати, на глазах у немецкого патруля.

– Сержант Мальцев пугнул его крепко, – добавил Журавлев. – Пригрозил, только шевельнись, яйца отстрелю. Ну и вытащил на берег.

– Сержант медаль заслужил, – раздались голоса.

– Орден! – хлопнул ладонью по трибуне Платонов. – Благодарность получит, а медали за службу я раздавать не намерен. Вопросы есть?

Вопросы имелись. Подполковнику верили и разговаривали откровенно, делились наболевшим. Местные жите-

ли упорно твердят, что вот-вот придут германцы. Уезжают евреи, которые побогаче и осведомлены о гонениях на иудеев в Германии, Польше. Буквально в пяти верстах от границы развернут слегка замаскированный танковый полк, много инженерных и саперных частей.

– Что это, война?

– Товарищи командиры, – морщился, как от кислого, Платонов. – Ну, чего одно и то же повторять? Мы же не бабки на картах гадать. Нашу политику вы прекрасно знаете. С Германией заключен пакт о ненападении.

Ненужный сейчас разговор о возможном столкновении с Германией начальник пограничного отряда свернул. Напомнил, что их главная задача усиливать бдительность, вести постоянные занятия с личным составом по боевой и служебной подготовке.

– На каждые стрельбы за семь километров ходим, – пожаловался кто-то из начальников застав. – Туда и обратно аж четырнадцать верст. А людям перед ночным дежурством отдохнуть надо.

– Ты предлагаешь возле границы из винтовок и пулеметов палить? Пустая проблема, и не надо ее поднимать. Кстати, пришли новые автоматы ППШ. На большинстве застав по несколько штук имеются. Сегодня можете получить кому сколько положено. Если не ошибаюсь, штук по пять-семь на заставу. Кстати, в стрелковых полках вообще этих автоматов нет. Даже разведчики карабинами вооружены. Так что цени-

те. Лаврентий Павлович Берия о нас не забывает.

При упоминании всесильного наркома НКВД комиссар отряда встрепенулся, строго оглядел присутствующих. Достаточно ли уважительно реагируют на такое высокое имя?

После совещания Журавлев оформил документы на получение автоматов и боеприпасов. Зелинский притащил пачку свежих газет и несколько агитационных брошюр, рассказывающих о славных буднях пограничников. Эти тоненькие книжки Журавлев не любил. Слишком уж слащаво и неправдоподобно излагалась в них служба на границе.

Пользуясь случаем, заехали в лавку, купили кое-что из продуктов. Выгоднее было покупать на базаре, но он собирался в городке лишь по воскресеньям. Впрочем, хозяин лавки, польский еврей, толстяк лет сорока, делал постоянным покупателям скидку. Одетый в жилетку и полосатую рубашку с подвернутыми рукавами, он не спеша взвесил на старых весах домашнюю колбасу, овощи. Позвякивая медными гирьками, шумно вздыхал. Ему помогала старшая дочь, девушка лет шестнадцати с красиво очерченными полными губами.

– Чего вздыхаешь, Натан? – спросил Журавлев.

– В мои годы прыгать и радоваться чего-то не хочется, – хозяин моргнул блестящими темными глазами. – Хорошего впереди не видно.

– Вон, дочка какая красавица выросла. Невеста.

– Неизвестно, кому эта невеста достанется. Рита, сходи в

подвал, набери вина.

Журавлев понял, что хозяин хочет с ними как всегда поговорить наедине. Темы были знакомые: не конфискуют ли новые власти у него лавку и что нового на границе.

– За два года не отобрали, значит, не отберут, – привычно ответил Журавлев.

– Так, так. Но когда задумают отбирать, вас не предупредят, господин капитан.

Что происходит на границе, Натан знал не хуже командиров, еврейское устное радио работало четко. Журавлеву всегда было интересно послушать умного, быстро схватывающего ситуацию торговца.

– Ваши солдаты вчера немного постреляли? – зная, что не дождется ответа, Натан продолжил сам: – Непокойное время. Моя родня в Люблине носит шестиконечные звезды на пиджаках. Их метят как овец в стаде, чтобы не растерять. Говорят, для иудеев отгораживают специальные зоны в городах и отправляют в концлагеря.

Об этом в советских газетах не писали, и Журавлев снова промолчал.

– Если вы не отберете у меня лавку, то это сделают ваши друзья, германцы.

– Не забывай, Натан, – сказал Зелинский. – Ты гражданин Советского Союза. Тебя защищают его законы и армия.

– О, я об этом всегда помню. Две недели назад я отправил мать с двумя младшими сыновьями в Киев, там тоже живет

родня. Я ведь имею на это право, господа офицеры?

– Товарищи...

– Ну, товарищи. Сразу переехать всем сложно, у меня еще две дочери, сын и жена. Я тоже подумываю об отъезде, однако продать лавку не так просто. Местные торгаши сговорились и не дают даже половины нормальной цены. Терпеливо караулят нас, как вороны подышающую овцу. Только что слюну не пускают от нетерпения. Знают, ждать недолго осталось.

– Войны не будет, – решительно заявил политрук.

– Какие хорошие слова произносит молодой комиссар! Каждый день бы их слушал. Но немцы в апреле захватили Югославию. Им понадобилось для этого всего одиннадцать дней. Югославия была самой сильной страной на Балканах, армия полмиллиона солдат, пятьсот самолетов. А перед этим была великая Франция с армией в шесть миллионов. Мощный флот, а у офицеров также красивые френчи и блестящие сапоги. Французы продержались лишь сорок дней.

Речь Натана текла печально и негромко, темные глаза внимательно смотрели на пограничников.

– Армия капиталистической страны не может быть по-настоящему крепкой, – запальчиво возразил политрук.

Хозяин лавки, будто не слыша его, продолжал погибать пальцы, перечисляя другие страны, которые были завоеваны Германией. В дверях стояла Рита с кувшином вина и слушала отца.

– А перед этим была Польша, Норвегия, Греция. Возможно, Бог наказал их за излишнюю гордость. Но чем провинились мы, евреи?

Натан повернулся к дочери:

– Рита, поставь кувшин и иди к матери. Мы выпьем вина с доблестными русскими офицерами.

Девушка послушно поставила кувшин на стол, окинув взглядом обоих командиров. Журавлев особого интереса не вызвал. Зато на молодом политруке в ладно пригнанной форме, туго затянутой в ремни, взгляд ее остановился немного подольше. Неуловимая женская улыбка тронула губы, она повернулась и вышла. Илья Зелинский невольно кашлянул.

– Сегодня жаркий день, – сказал Натан, – а вино прохладное. Я нарежу к нему сыра и свежего хлеба.

У гостеприимного лавочника задержались часа на полтора. Но это не было просто так проведенным временем. Начальник и политрук заставы узнали, что в городке, на станции и в окрестных селах все больше появляется беженцев.

Они явно встревожены. Покупают в запас продукты и едут дальше на восток. Несколько дней назад внезапно снялась и целиком уехала большая семья местного ювелира, приятеля Натана.

– Его ограбили какие-то люди с оружием, – рассказывал лавочник. – Мой приятель никуда не заявлял, хотя его били, вымогая деньги. Они пригрозили, что сожгут дом и изнаси-

луют дочерей.

– Это были бандеровцы?

– Не все ли равно, как их называть? Они уверены, что скоро все изменится, и утверждают, что уже нынешним летом на Украине будет новая власть.

Осторожный торговец выкладывал информацию не просто так. В свое время Журавлев помог ему оформить разрешение на выезд матери и двоих сыновей. Сейчас он просил снова помочь с разрешением на выезд жены и остальных детей.

– Один останешься?

– Какое-то время поживу один. Пока не найду покупателей на лавку. Но, в любом случае, числа до двадцатого июня уеду.

– А что должно произойти двадцатого июня?

– Пан офицер – умный человек. Он все понимает лучше меня. Так вы позвоните в комендатуру насчет разрешения?

– Когда? – резко спросил начальник заставы, и торговец понял, что увильнуть от прямого ответа не удастся:

– По слухам, они собирались начать в середине мая, но перенесли срок. Сами видите, какая холодная выдалась весна. А для техники нужны хорошие дороги. После двадцатого июня все и начнется. Или продолжится.

Когда выходили из лавки, Журавлев смахнул пот. Такие разговоры одновременно раздражали и напрягали его. Немцы стягивают все больше войск, самолеты крутятся над гра-

ницей постоянно. Он закурил и, прочитав немой вопрос в глазах политрука, усмехнулся.

– Прав он. Как страус, голову в песок не спрячешь. Пружина сжимается.

– Иван Макарович, ты начальнику отряда доложишь о разговоре? – спросил Зелинский.

– Какой толк? У него особый отдел под боком, снабжают полной информацией. Говорил я с ним на прошлой неделе. Он посоветовал не нагнетать обстановку.

– Надо доложить, – настаивал Зелинский.

– Пожалуй, – после паузы согласился Журавлев. – Ладно, заедем еще раз в отряд, а затем на склад.

Как и ожидал капитан, начальник отряда выслушал его рассеянно, поглядел на часы.

– Слухи, сплошные слухи и ничего конкретного, – буркнул он.

– Куда уж конкретней. Я вам уже докладывал, каждый день увеличивается число немецких войск на той стороне. Позавчера они разместили гаубичный дивизион в четырех километрах от границы.

– А может, полк? Или бригаду? – насмешливо переспросил Платонов. – Разве к войне готовятся так открыто?

– Не знаю. Может, и готовятся.

– Зато наверху лучше нас все понимают.

В голосе подполковника послышались нотки досады.

– Ладно, спасибо за информацию. Езжай, Иван Макаро-

вич.

На складе артвооружения забрали ящик с пятью новыми автоматами ППШ в густой заводской смазке, по два диска к ним и просмоленные коробки с автоматными патронами, по сто штук в каждой. Еще в списке значился станковый пулемет ДС-39, несколько ящиков гранат и двенадцать тысяч винтовочных патронов.

– Пулемет – это неплохо, – пробежав список, сказал Журавлев. – А на гранаты и патроны я заявку не давал. У меня запас приличный.

– Приказ по отряду, – пожал плечами завскладом.

Осмотрели один из пулеметов. Станковый «дегтярев» на треноге выглядел неплохо. В два раза легче «максима», с ребристым массивным стволом и без кожуха водяного охлаждения. Понравилась металлическая лента и переводчик скорости стрельбы до 1200 выстрелов в минуту.

– В войсках его не хвалят, – поделился сомнениями интендант. – Но там и самозарядку СВТ ругают. Не умеют с ними обращаться, а у вас неплохо работают. Так ведь, товарищ капитан?

– Так, – согласился Журавлев. – За пулеметом и всем остальным хозяйством я старшину пришлю.

– И не меньше трех сопровождающих с оружием.

– Новые порядки? Раньше хватало одного. Ладно, дам, сколько положено. К вам ехать – целый день терять.

– Зато вооружитесь до зубов.

Когда возвращались на заставу, остановились по дороге перекусить. Сказочные места в Закарпатье. Густая зелень, мелкие речки, сосновый лес, на горизонте горы. Выпили по кружке – второй густого красного вина, с аппетитом набросились на домашнюю колбасу с пшеничным хлебом и мелкими пупырчатыми огурцами.

Ездовой, из старослужащих пограничников, тоже выпив кружку, деликатно удалился с ведром в руке, чтобы напоить коня и не мешать командиру с политруком поговорить наедине.

– В курортных местах служим, – порозовев от вина, сказал Зелинский. – Век бы здесь жил. Один воздух чего стоит! Чистейший, не то что в Ленинграде.

– Чего же тогда жену поторопился отправить? – поддел его Журавлев.

– А то ты не догадываешься! Беременность три месяца. Да и не это главное. Случись что...

– Случись... а сам талдычишь как попугай, все в порядке, все спокойно. Вон, целую повозку патронов и гранат получаем. Беженцев не сосчитать. А мне свою жену отправлять нельзя. Никто не разрешит, панику, мол, разводишь.

– У тебя Вера русская. Чего спрашиваешь? Знаешь ведь, как немцы к евреям относятся. Да и бандеровцы не лучше.

– Ладно, выпьем еще по кружке и поедем.

Когда дорога спустилась в лощину, окруженную густым лесом, все трое невольно насторожились. Ездовой придви-

нул поближе карабин, а Журавлев с Зелинским внимательно оглядывались по сторонам. Место называлось Лисий овраг, хотя правильнее его можно бы назвать «волчьим». Слишком мрачное место.

Дорога сузилась до трех метров. Кое-где над ней сплетались ветки деревьев, плотными островками росли кусты. Вскоре лес расступился, но нехорошие предчувствия не обманули Журавлева. Перед бревенчатым мостом через быструю горную речку увидели оборванные провода, свисающие с телеграфного столба. Чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что это не случайность, столб был густо намазан дегтем, а часть проводов срезали и унесли.

– Тьфу, черт! – сплюнул Журавлев.

Настроение у него окончательно испортилось. Вот тебе и курорт на границе! Связь, как по расписанию, раза два в неделю обрывают.

– А ведь это после нас срезали, – ощупывая пистолетную кобуру, заметил политрук. – Может, тебя и меня подстергали? Одним разом заставу обезглавить.

– Вот мы им нужны! Пришлют других командиров. Не станут они со стрельбой связываться. Знают, что тут же комендантскую роту пришлют, все прочешут, подозрительных похваляют. Бандеровцам лишний шум пока не нужен.

– Пока, – язвительно повторил Зелинский. – А числа двадцатого в самый раз будет.

– Не трать нервы. Автоматы в следующий раз возьмем.

– Вот они в этой глухомани помогут!

* * *

Николай Мальцев вместе со своим старым товарищем по службе Щербаковым Андреем шли в небольшой хуторок, расположенный в двух километрах от заставы. Журавлев хоть и вернулся вчера с совещания не в духе, но Николая и Андрея в увольнение отпустил.

– Смотрите, осторожнее там. Провода опять порезали. И чтобы до темноты вернулись. Если на патруль наткнетесь, объясните, что идете поговорить с местными активистами. Пропуска не забудьте!

Оба сержанта – ребята надежные, служат давно. У Николая подруга в хуторе. Не отпустишь раз да другой, самовольно может уйти.

Мальцев родом из Быковских Хуторов, поселка в ста километрах от Сталинграда. Закончил восемь классов, девятый не успел. Умер отец, пришлось идти работать. Детей в семье пятеро, сестра Катя учительница в начальной школе, остальные трое – малышня. Мать работает в колхозе почти даром, за палочки – трудодни. И никуда не уйдешь, иначе приусадебного участка лишат.

Николай сумел попасть в рыболовецкую бригаду, там хоть какие-то деньги платят и рыбы разрешают понемногу брать. Получалось, что Волга всю семью кормила. Да еще огород

в три десятины, где худо-бедно растет на жаре картошка, огромные тыквы, помидоры, баклажаны.

На Волге добывали рыбу наплавными сетями на тяжелых деревянных баркасах. Ребята в бригаде подобрались дружные, да и сама обстановка свободнее, чем в колхозе, где гоняют то на прополку, то овец пасти. Председатель колхоза – полновластный хозяин, с небес на простой народ смотрит. Попробуй заикнись насчет платы. Перед бригадирами или счетоводом не успеваешь шапку ломать, не дай бог в немилость попадешь. Изведут дармовыми нарядами.

Николай этого сумел избежать. За три года научился не только рыбацким премудростям, но и разбираться в старом двигателе, который стоял на одном из баркасов, остальные – весельные. А когда понадобился шофер на полуторку, отвозить рыбу на приемный пункт, научился и водительскому делу.

Осенью тридцать девятого года призвали в пограничные войска. Сначала проходил шестимесячную учебу под Брестом. Там познакомился с Андреем Щербаковым. Отслужили в Белоруссии, а затем обоих перевели к новой границе на Западную Украину. Далеко от дома, трое суток поезд идет.

Андрей почти земляк, из-под Саратова. Оба жили в степи, а сейчас попали в чужой лесной край. За год привыкли, обжились, хотя многое казалось чужим и даже враждебным.

Несмотря на все потуги политработников представить действия Советского Союза как великий освободительный

поход, местные жители смотрели на новую власть настороженно. Раздел части помещичьих земель в пользу крестьян вызвал некоторое оживление. Но не все рисковали начинать обработку земли, постоянно возникал вопрос о колхозах.

Коллективизации боялись, как огня, и даже призывы о создании кооперативов порождали открытую враждебность. Слухи о советских колхозах дошли сюда давно, и местные крестьяне хорошего ничего от них не ждали. Ребята на заставе, призванные из городов, удивлялись:

– И что они колхозов боятся? Неплохо ведь там живет, правда, Николай?

Мальцев, Щербаков, остальные сельские парни предпочитали помалкивать. Все же пограничные войска относились к НКВД. Лишние разговоры быстро пресекали. А начнешь рассказывать, что в колхозах практически задарма работают, обвинят в антисоветской пропаганде.

За полгода подготовки на хорошем пайке ведомства НКВД даже сельским ребятам умудрялись вдалбливать в голову, что колхозы – это шаг вперед, а кто этого не понимает – враги социализма.

Николай познакомился с Басей, переселенкой из Польши, когда по осени проводили запланированное политотделом мероприятие – помощь беднякам семьям. Вместе с красноармейцами стрелкового полка привозили лес, заготавливали дрова на зиму, ремонтировали дома.

Все это должно было означать смычку Красной Армии и

пограничников с трудовым крестьянством. Николай и Андрей убедились, что живут местные куда лучше, чем они в своих деревнях в Поволжье.

После работы тогда состоялся митинг, общий обед, танцы. Начальство близкие контакты не одобряло. Несмотря на это, познакомившись с Басей, не на шутку увлекся молодой женщиной, и они встречались, используя любую возможность.

Будь на заставе вместо Журавлева другой начальник, непременно бы пресек «ненужную связь». Но Журавлев был снисходителен к подчиненным, тем более Николай Мальцев считался одним из лучших сержантов заставы. Правда, категорически запрещалось оставаться в хуторе на ночь.

– Баська, увезу я тебя к себе, – обнимая подругу, говорил Николай.

– Лучше сам с нами живи. Куда я мать брошу?

Бася – небольшого росточка, светловолосая, по отцу полька, по матери украинка, побывала замужем, имела трехлетнего сына. Муж сгинул во время недолгой войны тридцать девятого года, наверное, погиб.

И Николай, и Бася старались не слишком задумываться о будущем. Все решится само собой. А как? Бася ни за что не хотела покидать родные края.

Россия представлялась ей враждебной холодной страной, где людей сгоняют в колхозы и запрещают верить в Бога. Николай тоже бы не остался в чужом краю, да и демобилизация в ближайшее время не светила.

До хутора дошли быстрым шагом за полчаса. Бася как чувствовала, ждала возле дома. Андрей был вроде и не к месту, но отлучаться за пределы заставы в одиночку запрещалось. Подбежал трехлетний сын Баси. К Николаю он уже привык. Мать тоже смирилась, хотя поначалу бурчала:

– На что тебе москаль сдался? Люди косо смотрят. Или в Сибирь к нему ехать собралась?

– Коля не в Сибири, а на Волге живет.

– Хрен редьки не слаще. Ничего там путного нет в ихней России. Нищета сплошная, и в Бога не верят.

Как бы то ни было, а преодолевая все преграды, Коля Мальцев и Бася все больше привыкали друг к другу. Оба подумали об одном, уединиться хоть на полчаса. Но мать приготовила обед, пришлось посидеть за столом, затем подправили ворота в хлеву и натаскали зерна.

Пока возились, подступил вечер. Возвращаться в темноте и подставлять товарища Николай не хотел. Пришлось собираться. Бася проводила обоих до поселка, минут десять постояли, обнимаясь. Андрей деликатно отошел в сторону, свернул самокрутку.

– Бася, пойдем прогуляемся вон к тому стожку? – не выдержал Николай.

– Что, крепко приспичило? – улыбалась, прижимаясь к нему, Бася.

Взявшись за руки, пошли к стожку. Андрей вроде бы остался на охране. Когда вернулись, он, скрывая смущение,

заговорил о каких-то пустяках. Бася поцеловала его в щеку.

– Прости, что задержали. Ладно, идите, а то темнеет, – подумав, добавила: – Вы поосторожнее, чужие объявились.

– Много?

– Двое парней с той стороны. Где-то прячутся. Кажется, с оружием.

Возвращались, ускорив шаг. Если днем все было ярким и зеленым, то на закате спускался с гор туман, а зеленый цвет сменился на серый. Кустарник на обочине казался мрачным, сливаясь в темное пятно. Оба сержанта невольно сдвинули автоматы с плеч, держа их наготове.

Возле шестой заставы последнее время было тихо. Но поначалу было тихо и год назад. Затем пошли происшествия. Кто-то обстрелял двух красноармейцев из саперной части, рискнувших уйти в самоволку. Они были без оружия, сумели как-то убежать, поймав несколько картечин в ноги. Затем пропал без вести интендант вместе с повозкой.

Мальцев и Щербаков принимали тогда участие в прочесывании местности. Особый отдел силами комендантской роты и пограничников пытался прочесать лесной массив, вызывающий подозрение. Участвовали в операции и местные милиционеры, которые особого рвения не проявляли.

За целый день блуждания по влажному от дождя лесу нашли землянку – схрон, покинутый обитателями, и остов интендантской брички без колес. Впрочем, здесь и батальона бы не хватило, чтобы проверить заросшие овраги, нависаю-

щие над ручьями кручи, густые заросли молодого сосняка.

* * *

Позже, сменив тактику, особисты сработали по-тихому. Устроили одну-другую засаду, кого-то повязали. Несколько подозрительных семей отселили подальше от границы. Других следов пропавшего интенданта так и не нашли. Сгинул человек, как в омут провалился. Да и сам Мальцев в декабре сорокового года едва не попал в историю.

Снег был уже глубокий, рыхлый. Пошел к Басе на лыжах. На окраине леса возле сосен стояли двое. Как специально поджидали. Николай остановился в ста шагах, окликнул незнакомцев.

– Иди к нам, разговор есть, – ответили ему по-украински.

Сразу два выстрела. Оба молодые, стрелки неважные. Но винтовки – оружие опасное. Первые пули прошли мимо, следующие ближе. Мальцев ответил короткими очередями из ППД, целясь в ноги. Возможно, кого-то задел. Незнакомцы пятились в лес, торопливо выпуская пулю за пулей.

Николай ходить на лыжах научился с детства. Охотился на зайцев и лис вместе с отцом, а одну зиму бегал за шесть верст в соседнее село, где была школа-десятилетка. На соревнованиях выступал за район. На заставе переделал и укоротил тяжелые военные лыжи и тоже занимал призовые места в спортивном пятиборье.

Преследовал чужаков, перелетая от дерева к дереву, но вовремя опомнился, когда втянулся в лес и пули засвистели в опасной близости. Обнаружил кровь на снегу, значит, точно подранил кого-то из бандеровцев, или черт их поймет кто!

Вернулся на заставу, предложил политруку организовать преследование. Журавлев был на учебе, а Зелинский riskовать не любил. Отчитал Николая за самодеятельность, за то, что нарушил приказ и сунулся в лес один. Грозился посадить на гауптвахту, но еще больше опасался лишнего шума. Ведь о перестрелке надо докладывать в отряд.

Случай замяли. Мол, находился сержант в парном дозоре, стреляли по нарушителям, но не догнали их. А Мальцеву вернувшийся с учебы Журавлев запретил на месяц ходить к Басе.

– Как поумнеешь, тогда отпущу. И только вдвоем.

Но все это было давно. Время прошло, на счету у Мальцева свыше десятка нарушителей. В штабе отряда висит на доске почета. И обстановка к началу лета сорок первого сделалась другой. Полгода назад о войне не говорили, а сейчас это слово повисло в воздухе. И хоть официально начальство помалкивает, но между собой все делятся тревожными мыслями. Неужели немцы что-то замышляют? А может, обойдется?

Стрельбище в пяти километрах от заставы оборудовано на уровне. Впрочем, и вся пограничная служба, с ее комендатурами, укрепленными заставами, отличается от армейских подразделений.

Форма добротная, и личный состав проходит полугодовую учебу, прежде чем отправят на границу. Земляк Николая Мальцева, из пехотного батальона прикрытия, как-то рассказал, что за год всего два раза на боевых стрельбах побывал. Выпустили по три патрона из винтовки, вот и вся практика. Остальное лишь в теории.

На заставе совсем по-другому, боевая подготовка на высоком уровне. Стрельбы по расписанию и дополнительные. Товарищ Берия Лаврентий Павлович для кого-то грозный нарком, беспощадный к врагам, но для пограничников отец родной. Граница должна быть на замке – попробуй не выполни.

Для этого средств не жалеют. Питание, форма, обучение и все остальное. Вооружение хоть и стрелковое (пушек, минометов не предусмотрено), но самое современное. Поэтому застава из 50 – 70 человек по огневой мощи значительно превосходит обычную стрелковую роту.

На шестой заставе численность личного состава пятьдесят шесть бойцов и командиров. Два станковых «максима» и четыре ручных пулемета. На днях получили новый ДП-39. Из

него тоже сегодня будут стрелять. Журавлев хочет глянуть, что это за штука. Двадцать автоматов, в том числе новинка ППШ-41.

Кроме трехлинеек имеются несколько самозарядных винтовок Токарева. В войсках их не хвалят, часто отказывают. Но Журавлев самозарядку СВТ оценил (позже ее оценят немцы). Хорошо почищенные самозарядки Токарева с аккуратно набитыми магазинами сбоев не дают.

Стрельбы хоть и проводятся часто, но каждый раз получается вроде небольшого праздника. Мужики любят оружие, это у них в крови. А для солдат оружие, особенно хорошее, значит, очень многое.

В тот июньский, пасмурный с утра день на стрельбище пришли без малого тридцать человек. Собрать полностью заставу невозможно, часть людей всегда на охране границы. Остальные, в том числе пришедшие с ночных дозоров, будут сегодня тренироваться.

Каждый вел огонь из штатного оружия. Начинали, как обычно, командир и политрук. Журавлев, заложив левую руку за спину, не спеша послал в мишень три пристрелочных пули. Затем, осмотрев пробоины, учел разброс и выпустил оставшуюся часть обоймы.

Иван Макарович Журавлев был опытным стрелком. Пули легли кучно, не выходя за грудной силуэт мишени.

Политрук Зелинский, каждый раз переживая за свой авторитет, очень старался, но две пули ушли в «молоко». Да

и остальные раскидало, как попало. Результат получился на «тройку», но старшина Яков Павлович Будько, ответственный за стрельбы, великодушно добавил один балл.

Сам Будько, небольшого роста, жилистый, с клещеватыми ногами старого кавалериста, аккуратно выпустил пять пуль из потертого маузера, который путешествовал с ним по заставам с конца двадцатых годов. Стрелял он неплохо, да и длинноствольный маузер давал ему преимущество.

Затем вели огонь бойцы заставы из винтовок, автоматов, ручных пулеметов. В основном результаты получались неплохие, сказывались постоянные тренировки. Выделялись меткостью Николай Мальцев, командир отделения станковых пулеметов Миша Колчин и молодой боец Костя Орехов.

Двое-трое ребят помоложе, вторые номера ручных пулеметов Дегтярева, давали излишне длинные очереди. От сильной отдачи стволы подбрасывало вверх, не помогали даже сошки.

– Прижимайте приклады крепче к плечу, – командовал Журавлев. – Поставить оружие на предохранитель!

Обойдя тройку ручных пулеметчиков, капитан закурил, наблюдая, как молодые парни держат оружие. Затем приказал одному из сержантов проверить. Тот оглядел напряженно замерших стрелков. Наметанным глазом заметил ошибку и, подойдя к крайнему пулеметчику, внезапно поддел носком сапога кожух «дегтярева» возле сошек.

Боец сжимал пулемет расслаблено и едва удержал подско-

чивший «дегтярев» в руках.

– Нельзя так расслабляться, – объяснял сержант. – Прижимайте и держите пулемет крепко. Как женщину.

Рядом засмеялись.

– Он еще женщину в руках не держал. Не знает.

– Научится. Отдача сильная, поэтому ствол у вас водит и подбрасывает.

Молодые сделали еще несколько очередей. Пули пошли точнее.

– Ну вот, а кто-то смеялся, что парень держать в руках ничего не умеет.

Затем испытывали новый станковый пулемет ДС-39. Стреляли по очереди. Сначала командир отделения Михаил Колчин, затем старшина и начальник заставы. Половина ленты ушла без задержек. Массивный ствол и удобный станок-тренога помогали хорошо держать прицел.

Но когда перевели рычажок на скоростную стрельбу, тысяча двести пуль в минуту, затвор после длинных очередей заело раз и другой. Журавлев рассматривал смятые гильзы, которые застревали в казеннике. Старшина заметил:

– На такой скорости закраины у гильз мешают. Надо пострелять на обычном режиме, чтобы детали как следует притерлись.

Несколько человек остались на полигоне пристреливать пулемет, остальные зашагали к заставе под строевую песню.

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят,
На высоких берегах Амура
Часовые Родины стоят...

Далеко отсюда Амур, да и Россия не близко. Чужая земля и горы, к которым надо привыкать. А песню привез капитан Журавлев, который долго служил на Дальнем Востоке:

Июньский день походил к концу. Спокойный хороший день.

Глава 2

Что будет завтра?

Об этом старались не думать. Вторую неделю застава рыла полевые укрепления. Не просто окопы, а траншеи с отсечными ходами, щели для укрытия. Оборудовали пулеметные гнезда, на правом фланге саперы сооружали дзот с двумя амбразурами, перекрытый шпалами и сосновыми бревнами.

В помощь пограничникам, которые кроме строительных работ несли усиленные наряды, прислали саперный взвод под командой лейтенанта Кондратьева. Прораб Федор Кондратьев был призван из запаса в тридцать семь лет, прошел краткие курсы саперов и получил «лейтенанта».

Отделение Мальцева, работавшее с шести утра, устало. Хоть и привычные к труду, ребята набили мозоли от кирок и ломов. Кроме рытья земли, приходилось выворачивать тяжелые камни, порой в половину человеческого роста.

– Перекур, – объявил сержант.

Пошел к недостроенному дзоту, где сидели Михаил Колчин и снайпер Василь Грицевич. Белорус из-под Ковеля пришел в прошлом году, закончив школу Ворошиловских стрелков, что-то вроде краткосрочных снайперских курсов.

С возвышения, где располагалась застава, хорошо просматривалась граница, река, польский (а точнее, немецкий)

берег. После ночного дождя воздух был прозрачен и чист. Виднелась небольшая деревенька верстах в четырех, по дороге пылили военные грузовики.

Сюда же поднялся командир саперов, лейтенант Кондратьев. «Кубари» на петлицах лейтенанта гляделись странно. Да и сам он, в мятой гимнастерке и облепленных землей сапогах, мало напоминал строевого командира. Хотя добросовестно носил на широком ремне кирзовую кобуру с наганом.

– Через денек – другой дзот закончим, – сказал Кондратьев, усаживаясь рядом. – Замаскируем как следует, и будет хорошая огневая точка.

– Покурите, Федор Прокофьевич, – отозвался Колчин. – Ребята за полдня выдохлись, да еще земля размокла.

Лейтенант вытянул ноги, зажмурился, подставляя лицо солнечным лучам. Василь Грицевич попросил у него бинокль и долго всматривался вдаль.

– Глянь, немец на нас вылупился, – толкнул он локтем Мальцева. – Тоже с биноклем.

Не отрывая окуляры от глаз, Василь помахал рукой крохотной фигуре на другом берегу реки Сан. Немец тоже поднял руку в знак приветствия.

– О, бля, союзник, – сплюнул Грицевич. – В Бресте маршировали вместе, парад непонятно в какую честь. А что завтра будет, никто не знает.

Лейтенанта Кондратьева занесло сюда аж из-под Вологды. Сначала обещали, что командировка продлится три месяца.

В конце июня заканчивался срок. Но Федор Кондратьев уже видел, что обстановка такая, что дай бог, если к осени домой отправят.

Он скучал по детям. Старшая дочь внезапно объявила матери, что собирается замуж. Уже приходили родители жениха. Жена ничего определенного им не обещала, дочери только семнадцать исполнилось. Просила подождать до возвращения отца, но дочь психанула и пригрозила уйти из дома.

Сын, кое-как заканчивая семилетку, настроился работать, хотя Федор хотел, чтобы он продолжил учебу в строительном техникуме. Уже договорился со старыми друзьями, что они помогут.

Но решать семейные дела его никто не отпустит. Политруку заставы не разрешили отлучиться даже на три дня, чтобы отвезти беременную жену. Кондратьев много чего повидал за свои годы, хватил краем войну с басмачами в Средней Азии и сейчас старался не задумываться о будущем. От него ничего не зависит. Что будет, то будет.

Немного поговорили с ребятами о разных мелочах. Лейтенант еще раз осмотрел выдолбленные бойцами окопы для станковых пулеметов. Посоветовал:

– Углубите гнезда, а сверху плахи – пятидесяти в два слоя настелем. Хорошие укрытия и для расчетов и для «максимов» получатся. Особенно от мин. У «максимов» водяные кожухи очень уязвимы. Один-другой осколок кожух пробьет, и все. Отстрелялись. А у немцев в каждой роте минометы имеются.

– Слыхали, видели на плакатах, – сказал Колчин, – а с чем их едят, пока не знаем.

– Нам на учебе в Ярославле специальный курс читали. По возведению укреплений для защиты от навесного огня. Мины под углом девяносто градусов падают. Опасная штука.

– Ну, не опасней, чем артиллерия, – спорил Колчин. – Нас тут пушками не очень-то достанешь. Ближе, чем на семьсот метров, мы никого не подпустим, а с такого расстояния прицельного огня у них не получится.

– Минометам большой прицельности не требуется. Они количеством берут. Трубы и мины к ним дешевые. Вложат сотню штук за десяток минут, тяжело придется. Не первая, так двадцатая в цель попадет.

– А что же тогда делать? – спросил Николай Мальцев.

– Узкие щели неплохо защищают, перекрытия кое-где поставим. Блиндажей у нас не предусмотрено, в бою действовать согласно обстановке и во время обстрела не высываться.

Колчин возразил, что немецким минометам разгуляться не дадут. Танки и авиация у нас сильная, сметут все живое, если полезут.

– Разве не так, товарищ лейтенант?

– Так, конечно...

Кондратьев, кряхтя, поднялся и направился к своему взводу. За ним последовал Николай. Самоуверенность товарища выглядела несерьезно. Да и вообще многое, по мнению

Мальцева, не учитывалось. А сержант Колчин говорил Грицевичу:

– Все же тонковата кишка у этих землекопов. Всего опасаются, роют щели да ямы. Я больше на пулеметы надеюсь. Если правильно огонь вести, все подходы под обстрелом держать будем.

Белорус ничего не ответил, подхватил кирку и пошел к месту, которое готовил для снайперской точки.

* * *

Разговоры о возможности нападения Германии не приветствовались. Думать человеку не запретишь, но распускать язык не по делу командиры, а особенно политработники, не позволяли.

Политрук Зелинский, узнав о разговоре, вызвал к себе Кондратьева и довольно резко отчитал его. Напомнил, что саперный взвод временно прикомандирован к шестой заставе и его задача проведение фортификационных работ. Любая застава в любое время должна быть укреплена, и такие работы еще не повод вести пустые разговоры о вражеском нападении, минометном обстреле.

– Вы хоть понимаете, товарищ лейтенант, что мы относимся к ведомству НКВД? Что это такое, объяснять не надо. К чему эти ненужные разговоры о летящих сверху минах? Вам что, война снится?

Кондратьев сидел молча. Что такое НКВД, он хорошо знал. Но никогда не думал, что политрук прицепится к его чисто рабочим советам по оборудованию позиций.

– Ладно, учту, – выдавил взводный. – Возможно, я действительно обронил что-то лишнее. Разрешите идти?

Но безропотность лейтенанта, который был на десяток лет старше политрука, еще сильнее распалила Илью Борисовича. Зелинского задевало, что с ним, выпускником высшего погранично-политического училища в Петергофе, не слишком считается начальник заставы Журавлев, снисходительно посматривает старшина Будько.

– Вы знаете, что я обязан постоянно докладывать в политотдел отряда о моральном состоянии личного состава? Так вот, ваши неграмотные рассуждения в кругу пограничников пахивают паникерством и безответственностью. И своими «ладно» вы так просто не отделаетесь.

В какой-то момент, не заметив этого, Зелинский переступил черту служебной беседы. От слов о паникерстве Кондратьева передернуло. Он поднял морщинистое, усталое лицо и тихо спросил:

– Вы только службу начинаете, а уже нахватались выражений. Как по-газетному чешете. Докладывайте куда хотите, раз приспичило. Другого занятия у вас, кажется, нет.

Илья Борисович сделал еще одну глупость. Подражая кому-то из своих начальников в политотделе, стукнул кулаком по столу.

– Как вы со мной разговариваете! Или забыли, какую должность я занимаю?

– В батальоне у меня есть свой комиссар, я ему доложу. Пусть он с вами общается, а мне некогда.

Кондратьев встал, надел фуражку.

– Сидеть! Я вас никуда не отпускал.

Обычно сдержанный политрук уже не владел собой. Неизвестно, чем бы закончился разговор, но в кабинет вошел Журавлев и, оглядев обоих, коротко объявил:

– Илья Борисович, обстрелян наряд в Лисьем овраге. Собирайтесь, поедem туда.

– Есть жертвы?

– На месте разберемcя, – и, не удержавшись, добавил: – В бою имеются не жертвы, а потери личного состава.

Запоздало поздоровался с Кондратьевым:

– Ну вот, даже времени пообщаться нет. Заходи вечерком, Федор Прокофьевич, обсудим дела, по рюмке пропустим.

– Я уже с твоим комиссаром наобщался. Досыта!

– Ладно, не горячись. После разберемcя, что и как.

* * *

Через Лисий овраг, а точнее, лесистую лощину, шла дорога в райцентр от пятой и шестой заставы. Пограничники это мрачное место не любили. Именно здесь чаще всего обрывали провода и нарушали связь.

С одной стороны лощину подпирала высокая гора, поросшая лесом. У дороги местные жители долгое время вырубали деревья. Там все заповолонил густой кустарник. С другой стороны дороги расстилалась узкая кочковатая полоса, словно кем-то изрытая.

Здесь после ливней скапливались лужи, кое-где превратившиеся в болотца. Дорога превращалась в ловушку, с которой никуда не свернешь. И снова шел кустарник до горной безымянной речки. Удобное место для засады. Хоть на дороге, хоть возле бревенчатого узкого мостика, где две телеги не разъедутся.

С утра прервалась связь с соседней заставой и отрядом. Журавлев вызвал Андрея Щербакова и связиста Юрия Пашенко.

– Возьмите лошадь, повозку и устраните повреждение.

Если Щербаков коротко ответил «есть», то Юрий Пашенко мялся, переспрашивал. Он служил на границе более трех лет, подлежал демобилизации еще прошлой осенью, но из-за сложной обстановки был оставлен, как нужный специалист. Пашенко с нетерпением ждал замены, считал дни. А еще было заметно, что обычно исполнительный связист в то утро нервничал. Наверное, у людей все же есть предчувствие нехорошего.

– Вдвоем поедем? – спросил Пашенко.

Журавлев внимательно посмотрел на него и, не задавая вопросов, коротко ответил:

– Возьми с собой помощника, пусть привыкает. И будьте внимательны, особенно в Лисьем овраге.

Едва миновали мост, все трое увидели срезанные провода. Кто-то постарался на совесть. Телефонную линию оборвали в пяти-шести местах, часть проводов исчезла. Пащенко выругался, рассматривая обрезанные ножом концы, затем нарастил провод и с помощью металлических «кошек» быстро взобрался на столб.

Его помощник, Геннадий Белых, стоял с катушкой внизу, а Щербаков, держа наготове новый, недавно полученный ППШ, настороженно оглядывался по сторонам. Выстрел хлопнул непонятно откуда, эхо отдалось над ручьем, вернулось к лесу и снова растворилось в тишине.

Юрий Пащенко вцепился в перекладину, обхватив ее руками. Помощник торопливо снимал из-за спины винтовку.

– Юра, слезай вниз! – крикнул Андрей.

В тот же момент ударили два выстрела подряд. Одна пуля ударила в связиста, вторая прошла рядом с сержантом. Андрей дал в ответ автоматную очередь. Юрий Пащенко выпустил перекладину, тело, выгнувшись, ударилось о столб и повисло на «кошках», прицепленных к сапогам.

Когда Щербаков подбежал к столбу, одна «кошка» отцепилась, а вторая, бороздя шпорами древесину, поползла вниз. Они едва успели подхватить раненого товарища и опустили его на траву. Связист получил две пули: в спину и правую руку.

По существу, это было первое нападение на пограничников шестой заставы. Случалось, стреляли издалека и тут же исчезали. Здесь, в глухом углу, тяжело ранили связиста и убежать не спешили. Пока перевязывали раненого, из зарослей на склоне горы хлопнули еще два винтовочных выстрела, уже ближе к дороге.

Пуля ударила в повозку, расщепила доску. Лошадь невольно дернулась, но не побежала, осталась на месте. Погрузили на повозку раненого, который то терял сознание, то снова приходил в себя и пытался приподняться.

– Неужели умру... я чувствовал.

Связист хрипло кашлял, изо рта летели мелкие брызги крови. Андрей на секунду перехватил тоскливый, полный безнадежности взгляд товарища.

– Юрок, все хорошо будет, поверь, – успокаивал Андрей связиста. – А ты, Гена, увози повозку побыстрее вдоль кустов. На дорогу не влезай.

Сам Андрей отступал следом. Человек выскочил на дорогу и дал трескучую очередь из незнакомого Щербакову автомата. Это был немецкий МП-38, хороший в ближнем бою, но сыпавший пули на более далеком расстоянии. Сержант тоже ответил очередью, целясь в ноги.

Попал или нет – непонятно, но человек отпрыгнул в кусты, откуда выпустил еще одну очередь. Хлопнули подряд несколько винтовочных выстрелов – значит, нападавших как минимум трое. Они упрямо преследовали пограничников,

выпуская пулю за пулей. Знали, что в этом месте стрельбу на заставе не услышат.

Возле ручья Андрей отвел лошадь в ложбину. Понял, что мост, выложенный из поперечных сосновых плашек, им с ходу не преодолеть. Все трое пограничников и лошадь превратятся в мишень.

Повязка на груди пропиталась кровью. Связист Юра Пашенко уже не приходил в себя. На губах вскипали розовые пузырьки, конвульсивно дергались кончики пальцев. Его помощник со страхом смотрел на умирающего товарища.

– Легкое пробито, – сказал Щербаков. – Геннадий, дуй быстрее на заставу за помощью, помрет человек.

– Он, кажется, уже помирает.

– Бегом, Гена, не рассуждай.

– А вы один останетесь, товарищ сержант?

– Отобьюсь как-нибудь. Автомат, винтовка в запасе. Не рискнут они слишком наседать. Может, на заставе выстрелы услышали.

– Вряд ли. Место глухое, горы любой звук гасят.

– Ладно, иди.

Геннадий Белых, молодой пограничник, прибывший из учебки три месяца назад, перебрался по камням на другую сторону ручья. Побежал, торопясь пересечь открытый участок. По нему выпустили несколько пуль. Одна ударила у самых ног, разбросав каменное крошево.

Парень убегал пригнувшись, держа винтовку наперевес,

прыжками уходя от пуль. Андрей поймал в прицел высунувшегося между кустов человека в польской армейской куртке. Такие куртки носили многие местные жители.

Очередь срезала верхушки кустов, нападавший мгновенно исчез, а из молодого сосняка снова отстучал МП-38, рассыпав пули по щебню дороги и подняв песчаные фонтанчики на кромке берега.

– Эй, прикордонник, бросай автомат. Прибьем! Ты один остался.

Андрей не понимал смысла такого упорного и агрессивно-го нападения. С месяц назад случилось нападение на местных милиционеров. Их подкараулили на дороге, обстреляли, бросили гранату. Выпустив полсотни пуль, нападавшие мгновенно исчезли.

Объяснение могло быть только одно. Бандеровцы, боевики (называй как хочешь) почувствовали уверенность, возможно, в ожидании каких-то событий. А каких? Слово «война» в который раз невольно приходило в голову.

Сержант глянул на повозку. Тело связиста расслабилось, приоткрылся рот. Кажется, умер, не дождался помощи. Щербаков отложил автомат, в котором оставалось меньше половины диска, и загнал патрон в ствол винтовки.

Как бы то ни было, а нападавшие не рисковали приближаться, готовые исчезнуть, если к окруженному сержанту подоспеет помощь. Что им надо? Его оружие, лошадь или он сам как источник информации? В любом случае, ноги у

этого нападения растут из польской территории, оккупированной немцами.

Надо хорошо подковать хоть одного из чужаков, тогда остальные наверняка уберутся. Андрей поставил планку прицела на расстояние сто пятьдесят метров. Выстрелил, когда человек перебежал от одного куста к другому.

Снова не понял, попал или нет. Быстрые автоматные очереди прижали его к краю речного откоса. Еще один чужак стрелял из винтовки. Но, судя по суете, сержант в цель попал.

На пустынной дороге показалась крестьянская телега. Ее перехватили и затащили в кусты. А спустя несколько минут выскочил мужик лет пятидесяти и, оглядываясь назад, побежал к мосту. Андрей вел его на мушке, но быстро понял, что это обычный крестьянин. Когда тот приблизился шагов на пятьдесят, сержант крикнул:

– Стоять на месте!

Но крестьянин продолжил бег, только вытянул вперед руки, показывая, что у него нет оружия.

– Вам велели передать, пан прикордонник, скоро конец червонной власти. Приказали сложить оружие, иначе вон на том столбе повесят. Их трое, а вы один.

Мужчина в серой рубашке и поддевке, тяжело дыша, снял картуз и вытер пот с багрового от напряжения лица. Он смотрел на сержанта с ненавистью, с трудом произнося слова:

– Отобрали коня, повозку... там покупки, новые сапоги.

Из-за вас все. Вы их товарища сильно поранили. Они вас повесить обещали... на столбе вниз головой. И повесят!

– Сядь здесь и не шевелись, – приказал Андрей.

– Воды бы мне.

– Потерпишь.

А спустя полчаса появилась подмога. Приехали Журавлев и человек шесть пограничников с ручным пулеметом. Санитар Данила Фомиченко осмотрел тело связиста и коротко произнес:

– Умер. Легкое просадило, кровью захлебнулся.

Прочесали кусты и деревья возле дороги. Нападавшие исчезли. Нашли гильзы от винтовки «маузер» и автомата калибра 9 миллиметров.

– Оружие немецкое, – заметил кто-то из пограничников.

– Винтовка могла быть польской, – Журавлев повертел в пальцах блестящую, пахнувшую порохом гильзу. – Поляки еще в двадцатых годах винтовки у Германии закупали.

...Черный день на заставе. Старшина распорядился приготовлениями к похоронам. В это же время прибыл батальон войск НКВД, оперативники. И вместе с пограничниками двух ближайших застав сутки прочесывали местность.

Николай Мальцев вместе со своим отделением также участвовал в операции. Гора, густо поросшая лесом, была окружена со всех сторон. Цепь бойцов густой гребенкой охватывала склоны, взбираясь на вершину. И хотя люди шли на расстоянии пятнадцати шагов друг от друга, зачастую те-

рjali из виду соседей.

Более-менее проходимые участки соснового леса сменялись зарослями вязов, орешника, колючего кустарника. Склоны в разных местах пересекали промоины и овраги. Спустившись в один из таких оврагов, где даже в солнечный полдень стоял полумрак, Николай с трудом продирался сквозь густую, цепляющуюся за сапоги траву.

Склоны были покрыты мхом, а по дну оврага струился ручей. Сваленная береза, через которую пытался перелезть Петро Чернышов, рассыпалась в труху, а сам он скатился к ручью.

– Николай, – негромко позвал он. – Глянь, что это такое?

Они вышли к истоку ручья, где пробивался из-под земли ключ. Замшелая колода была наполнена темной водой, неподалеку вкопан деревянный крест. С трудом разобрали несколько букв на русском языке.

– Откуда он здесь взялся?

– Еще с той войны, – ответил Николай. – Здесь в Первую мировую бои сильные шли. Ладно, карабкаемся наверх, а то от своих отстанем.

– Тоска в таких местах воевать, – с трудом карабкаясь наверх, пыхтел Чернышов. – Даже неба не видно.

– Оно нигде воевать не сладко.

Ближе к вершине собаки обнаружили схрон. Без овчарок прошли бы мимо и ничего не заметили. Но собака принялась облаивать неприметный бугорок. Его окружили, а один

из оперативников нашарил деревянную крышку и с трудом поднял ее.

Из темного отверстия пахло сыростью и кислым духом прелой древесины. Николай спрыгнул вниз. Несомненно, здесь жили люди. Нары были покрыты кусками овчины, старыми польскими шинелями. На грубо сколоченном столе стоял закопченный чайник, оловянные кружки.

Под потолком висела керосиновая лампа, нашли также бидон с керосином, кое-какой инструмент, соль, муку и пшенку в рогожных кулях. Лейтенант из особого отдела посветил фонарем в угол. В раскрытом мешке лежали пустые консервные банки, обертки от еды. Лейтенант поднял замасленную тряпку, понюхал ее.

– Масло оружейное. Вот тебе и погребок. Судя по тому, как потолок закопчен, долго здесь жили. Может, зимовали.

– Тяжкая жизнь, – заметил Николай. – Ослепнешь как крот через неделю.

– Живут. Зато без собак черта с два найдешь, – продолжая копаться в мешке, отозвался лейтенант. – Обитатели совсем недавно нору покинули. Может, нас услышали.

Схрон взорвали зарядом тола, предварительно вытащив керосин, хотя вряд ли в этом сыром месте мог случиться пожар. Еще одну нору обнаружили у подножия склона. Оттуда вылез мужчина лет тридцати в вязаной свитке и шинели. Под нарами обнаружили старую, хорошо смазанную винтовку и обоймы к ней.

Особисты коротко допросили мужчину. Тот тряс головой, то ли был контужен, то ли притворялся. Что-то быстро говорил по-украински, глотая слова. Лейтенант, не церемонясь, отвесил ему затрещину.

– Хватит театр устраивать. Где остальные?

– Ушли.

И снова забормотал бессвязное, хотя глаза косили на лейтенанта изучающе и настороженно. Особисты подозвали Андрея Щербакова.

– Знакомая физиономия? Его среди нападавших не было?

– Я толком лиц не разглядел. Близко боялись приближаться. А подранил одного крепко, следы крови нашли.

– Эй, самостийник, куда раненого спрятали?

– Не маю. Какой раненый?

Получил еще затрещину.

– В камере не так запоешь. Все вспомнишь, – пообещали ему.

В глазах задержанного плескались ненависть и страх. Несомненно, он боялся. Но еще больше опасался сказать лишнее. Свои не только его, но и родню не пощадят. Развешат, как елочные игрушки на любом дереве – противоборство идет жестокое. Женщины и братья как заложники ответят за предательство «борца за свободу».

Вышли к небольшому хутору, где с такой же тщательностью проверили дома, подвалы, сараи. Жители, десятка два человек, на вопросы отвечали односложно, отмалчивались.

– Кто-нибудь знает этого человека? – спросил старший лейтенант из особого отдела.

– Не знаем, – покачали головой сразу несколько мужчин. Женщины отмалчивались. Смотрели на советских бойцов и командиров настороженно, боялись, что заберут мужчин.

– Конечно, не знаете, – усмехнулся старший лейтенант. – Схрон в километре от хутора вырыт, а еду им с неба сбрасывали.

– Может, пан капитан, ваши солдаты проголодались или пить хотят?

Молодая женщина смотрела на старшего лейтенанта с такой же усмешкой. Была она красива, хорошо сложена и цену себе знала. Старший лейтенант резко ответил:

– Есть мы ничего не будем. А то поднимете шум до небес – грабят вас тут.

– Пан офицер неправ.

– Ладно, помолчи. Не тронем мы никого. А воды холодной принесите, день жаркий.

* * *

Спустя несколько дней начальник заставы поехал по делам в стрелковый батальон, который в случае чрезвычайной ситуации обеспечивал оборону на его участке. Увиденное подействовало на Журавлева удручающе.

В отличие от хорошо подготовленных, строго соблюдав-

ших дисциплину пограничников, бойцы выглядели расхлябанно: мятая форма, кое-как закрученные обмотки, грязные ботинки.

Сержант, начальник поста, который пропускал повозку, вяло козырнул, а на вопрос, где находится командир батальона, пожал плечами.

– Товарищ комбат передо мной не отчитывается. Спросите у дежурного.

Где находится дежурный, Журавлев спрашивать не стал, а с минуту внимательно смотрел на сержанта. Тот поежился, встал ровнее и застегнул верхнюю пуговицу на воротнике. Толкнул помощника, щуплого, мелкого ростом красноармейца в гимнастерке до колен.

– Трогай, – скомандовал Журавлев ездовому.

Бойцы ковырялись в земле, рыли окопы, оборудовали землянки. Заспанный комбат Зимин вылез из блиндажа, поздоровался с начальником заставы за руку. Они были немного знакомы, встречались на совещаниях в отряде.

– Вчера в полку допоздна задержался, – объяснил капитан Зимин. – Вот и проспал маненько.

Комбат был мужик простой. С ним можно обсуждать вопросы взаимодействия, не кивая на высокое начальство. Но эта простота Журавлева сейчас раздражала. Батальон выдвинут к границе, считай на передовую линию, а выглядит, как цыганский табор.

– Чайку попьешь? – спросил комбат.

– Спасибо. Если попозже. Укрепления у тебя слабоватые.

– Сильные на старой границе остались. Там и доты имелись и блиндажи, а здесь все своими руками делаем. Спасибо Кондратьеву, специалистов иногда присылает.

Журавлев и его застава, хоть и принадлежали к другому ведомству, но знали, что по приказу наркома обороны еще с мая началось сосредоточение частей Красной Армии ближе к западной границе, как противовес скоплению немецких войск. По этому поводу начальник отряда Платонов в узком кругу язвительно заметил, что идет это сосредоточение ни шатко ни валко и, дай бог, если к осени завершится.

– Никто не спешит. Покой, тишина, с Германией пакт о ненападении. Чего беспокоиться?

Молодой энергичный начальник пограничного отряда, не терпевший медлительности, был прав. Из стрелковой дивизии, которая передислоцировалась в зону ответственности отряда, выдвинулись к границе лишь один полк и часть артиллерии. Штаб застрял в отдалении, непонятно где.

Теперь Журавлев увидел, как разворачивается батальон, и не удержался от вопроса комбату:

– Слушай, тебе артиллерия хоть придана?

– Обещают. Батарейю полковых трехдюймовок. Мне и минометы положены, да и звание очередное полгода идет – не дойдет. Все в капитанах хожу.

– Получишь ты майора, – обнадежил его Журавлев. – Но мне интереснее, если бы ты артиллерию хоть какую-нибудь

получил.

– Я тоже не против. Не дают пока.

– Так что у тебя имеется?

Григорий Пантелеевич Зимин, воевавший в Финляндии, перечислял, загибая отмороженные под городом Сортавала пальцы. На шее виднелся лиловый бугорчатый шрам от минометного осколка.

– Три стрелковые роты, саперный взвод, пулеметный взвод. Артиллерию обещают.

– А минометы?

Зимин невольно тронул пальцами шрам и сообщил, что минометов пока тоже нет и вряд ли предвидятся.

– Жаль. Говорят, эффективная штука.

– Их маршал Кулик не любит. Трубы самоварные и ничего больше. Но нам туго приходилось, когда финны начинали сверху мины сыпать. Их немцы в достатке снабдили. Зато у нас пушки восьмидюймовые имелись. Полк или два перед укреплениями угробим, подтягивают орудия на тракторах. Снаряды краном подавали. Постреляют часок, опять в атаку идем. А финны из минометов с запасных позиций пачками мины сыпят. Пулеметы из подземных бункеров жару добавляют. Эх, славно повоевали.

– Вижу, – показал на большую серебряную медаль «За отвагу» Журавлев.

– Всем по чину. Мне, как командиру взвода, медаль. Ротного убили, ему ничего, комбату с комиссаром Красную

Звезду, полковому начальству – Красное Знамя.

– Быстро ты из взводных в комбаты прыгнул.

– Так мне и годков уже тридцать шесть. Я взводом долго командовал, а на Финской много должностей освободилось. Поставили на роту, а прошлой весной на батальон.

– Не тяжело?

Зимин понимающе засмеялся.

– У вас на заставах все по линейке, сапоги блестят, дорожки небось песочком посыпаны. А мы ведь махра, пехота. У меня половина личного состава либо желторотики, либо из запаса недавно призваны. Рады до смерти, что из полка вырвались, где их шагистикой да политзанятиями затюкали. А я уже стрельбы два раза провел. По пять патронов.

– Еще одну медаль тебе за это!

Комбат Зимин все больше нравился ему. Подпоясавшись командирским ремнем с кобурой, он надел фуражку и предложил Журавлеву.

– Пойдем, глянешь на мое хозяйство.

Рассмотрев получше батальонные позиции, Журавлев не мог не оценить стараний Зимина и его батальона. Траншеи по тогдашнему Уставу рыть не предписывалось. Но пулеметные гнезда, часть стрелковых ячеек и командные пункты были соединены ходами сообщения.

– Пушек пока нет, – рассуждал Григорий Пантелеевич. – Зато «максимов» целых восемь штук и «дегтяревых» полтора десятка. Глянь, как мои орлы гнезда оборудовали.

Орлы, старательно тянулись, украдкой подтягивая обмотки и застегивая на все пуговицы гимнастерки. Были здесь совсем молодые ребята, почти мальчишки, и люди старшего возраста, лет за тридцать. Сержанты держались уверенно, несмотря на сильно поношенное обмундирование и те же ботинки с обмотками.

Пулеметные гнезда для «максимов» были оборудованы на совесть. Угадывалась умелая рука саперов Кондратьева. Толстые березовые плашки служили подставкой для пулеметов и одновременно прикрывали оружие и расчеты в случае артиллерийского обстрела.

Имелись узкие щели для укрытия бойцов, запасные позиции. Комбат Григорий Зимин делал все что мог, но Журавлева не покидало гнетущее чувство какой-то бутафорности.

Конечно, командование полка, а может, и дивизии, непременно проверит систему обороны. Останутся довольны: земли перелопачено много, имеются командные пункты, пристреляны (теоретически) ориентиры.

Но без поддержки артиллерии все это рухнет. Толстые плахи не защитят «максимы» от попаданий даже снарядов среднего калибра. А что будет, когда на батальон обрушатся сотни мин? От них не спасут и глубокие щели. А вражеская авиация? Комбат все это понимал, но прыгнуть выше головы не мог.

Странная обстановка складывалась в приграничных военных округах. Войска выдвигались и укреплялись, но проис-

ходило все это с заметным формализмом. Развернули батальон, не торопятся давать артиллерию. Где находятся остальные силы полка и дивизии – неизвестно.

Зимин пригласил выпить и перекусить. Журавлев со скрипом согласился, ему еще предстояло ехать в отряд, решать кое-какие вопросы. Но и с комбатом, который будет тебя поддерживать в бою, тоже следовало познакомиться поближе.

Опрокинув полкружки водки, Григорий Зимин заговорил откровеннее. Он не сомневался, что военные действия в ближайшее время начнутся. Оба командира не собирались толочь воду в ступе и повторять то, о чем шли разговоры последние месяцы: нападет Германия или не рискнет. Гадать смысла нет – все и так понятно.

– Не продержишься ты здесь долго, – прямо заявил начальник заставы. – Не вижу я системы обороны. Торчит один твой батальон, а фланги голые.

– Говорят, еще один батальон на подходе.

– Тоже без артиллерии?

– Наверное. Макарыч, шумни своему начальству. Все же НКВД. Пусть хоть батарею пришлют фланги прикрыть.

– Шумну, – пообещал Журавлев.

– Тогда давай еще по одной опрокинем.

– Я не буду. Не хочу в отряде светиться выпившим.

– Ну как хочешь. А мое начальство носа не кажет. Я выпью.

Но делового разговора в пограничном отряде не получилось. Там все гудело, как в улье. Литерной почтой пришла газета «Правда» с сообщением ТАСС от 14 июня 1941 года. Комиссар отряда сунул одну из газет Журавлеву.

– Какая там артиллерия? Прочитай внимательно, изучи с личным составом. Твой политрук уже вызван, проведете разъяснительную работу.

Журавлев пробежал сообщение раз-другой. Станным был текст, опубликованный в главной газете СССР за неделю до войны.

Советское правительство убеждало всех, что слухи, распространяемые иностранной, особенно английской, печатью, о приближающейся войне между СССР и Германией не имеют никаких оснований. Советский Союз, так же как и Германия, строго соблюдает условия договора о ненападении.

Более того, наше правительство, по существу, расписывалось за Германию, заявляя, что слухи о готовящемся нападении на Советский Союз также не соответствуют действительности.

– Теперь понял? Понял? – переспрашивал Журавлева комиссар отряда.

– Что я понял? – оторвался от газеты Журавлев. – Немцы сосредоточили уйму войск на том берегу, а выходит, мне только кажется.

– Перекрестись, если кажется. Хороший ты командир,

Иван Макарович, но политического чутья еще не нашёл.

– Значит, войны не будет? – Журавлев посмотрел на комиссара в упор.

– Тебе уже ответили.

Продолжать разговор не имело смысла. Подполковник Платонов молчал, никак не реагируя на непонятное заявление ТАСС. Недовольно сопел, слушая Журавлева, который передал ему просьбу пехотного комбата. Черкнул несколько строк в перекидном календаре.

– Вообще-то, у них свое начальство. Не любят, когда мы вмешиваемся. Попробую звякну.

Журавлев ждал, что подполковник скажет свое мнение насчет заявления ТАСС, но не дождался. Осторожно напомнил:

– К нам дня четыре назад проверяющий из штаба приезжал. Он пограничную книгу просматривал. Не докладывал вам?

– Докладывал, ну и что?

– Я записи о состоянии оперативной обстановки каждый день заново. Не слишком обстановка радует. В хуторах разговоры всякие идут, а германцы, уже не стесняясь, войска, как по шахматной доске, двигают. Вчера лично танки и грузовики километрах в трех от границы видел.

– Танки у нас тоже имеются. Целая дивизия неподалеку сосредоточена.

– Где эта дивизия – непонятно. А немецкие танки под но-

сом.

– Ладно, Иван Макарович, езжай к себе. Занимайся своими обязанностями, – коротко приказал Платонов, прекращая разговор.

И Журавлев поехал.

За тринадцать лет службы он не достиг высоких званий и должностей. Был всего лишь начальником небольшой заставы в капитанском звании. Так сложилось.

Начинал, как и старшина Будько, в Средней Азии. Там прошел такую школу, которую не пройдешь ни в одной академии. Необъявленная война длилась до тридцать первого года.

В Туркестане не принимали Советскую власть и упорно дрались, отстаивая свою прежнюю жизнь. Даже полунищие крестьяне смотрели с нескрываемой враждебностью. За это время понял, что такое настоящий враг и как умело он умеет наносить удары. Получил ранение, гепатит, именные часы за храбрость и был переведен на Дальний Восток. Там было немногим слаще.

Среди сопок на границе с Маньчжурией пролетели еще несколько лет. Там другой, более опасный враг – Япония. В глухомани среди сопок шла необъявленная война, которая вылилась в бои у озера Хасан в августе тридцать восьмого года.

События на Халхин-Голе происходили, когда Журавлева перевели на другую окраину страны, в Западную Украину.

Без малого два года уже пролетело. Судя по всему, не миновать столкновения с Германией. Надо бы отправить подальше жену. Хорошо, хоть сына и дочь забрали на лето родители. Поразмыслив, понял, что не разрешат отправить жену. Скажут, что подает дурной пример, паникует. От невеселых мыслей его оторвал голос ездового:

– Товарищ капитан, что в «Правде» пишут? Говорят, войны не будет.

– Говорят... замполит вам все растолкует.

Ездовой хотел что-то спросить еще, но, видя, что начальник заставы не склонен к разговорам, замолчал. Замполит, конечно, растолкует. Он для того и поставлен. Только не легче от этого. Попахивает, как перед грозой.

* * *

Следующая неделя пролетела незаметно. Служебные дела не давали слишком задумываться. Жена Журавлева, Вера, к мужу с вопросами не лезла. Хотя, бывая в райцентре, слышалась разного.

Уехал хозяин лавки Натан, продав ее за половину цены. Очень спешил, но все же выкроил время, попрощался с начальником заставы.

– Спасибо за все, Иван Макарович. До свидания.

– И тебе спасибо. Хорошего помощника теряю.

– Я тебе уже не нужен. И так все ясно.

Уточнять сказанное он не стал.

Увольнения запретили, и Бася сама дважды приходила к Николаю. Глянув на вырытые окопы и укрепления, вздохнула.

– Опять воевать будете?

– Если немцы полезут. Вон их сколько скопилось на том берегу.

– Конечно, полезут, – проговорила девушка и смахнула слезу. – Пропадешь ты, Коля. Бежать отсюда надо. Что вы против германцев с их танками-самолетами сделаете?

– У нас армия посильнее. А насчет бежать, больше такие разговоры не заводи.

– Ну, конечно, ты же храбрый солдат. Одного мужика в тридцать девятом потеряла, тоже воевать рвался. Теперь ты...

Проводил до окраины леса. Постояли, повздыхали.

– Может, в воскресенье, двадцать второго, придешь? Мать обед приготовит, на озеро ходим.

– Конечно, ходим.

В его готовности прийти Бася уловила фальшивые нотки. Поняла, что вряд ли отпустят с заставы. Поцеловались на прощанье, и каждый пошел в свою сторону. Тягостно тянулись эти июньские дни.

Комбату Зимину наконец выделили батарею легких трехдюймовых «полковушек». Об этом он сразу известил Журавлева:

– С меня магарыч. Спасибо за содействие.

– Брось, мелочи все это. Соседи не подошли?

– Пока нет. Командир полка наведывался, обещал подтянуть дополнительные силы.

– Долго он собирается.

Зимин промолчал. Командир полка, из штабных выдвиженцев, по мнению комбата действовал слишком вяло. Все ждал приказов и разъяснений. К Зимину относился неплохо, даже похвалил за добросовестно подготовленную оборону. Лучше бы обругал! Неужели не видит, что один батальон без поддержки соседей, без долговременных огневых точек, сметут первым же ударом.

Для борьбы с бронетехникой подвезли новые противотанковые гранаты РПГ-40. Весили они кило двести граммов и сразу получили у бойцов прозвище «ворошиловские килограммы». Командир полка гранаты хвалил:

– Любой фашистский танк возьмут!

Зимин относился к этим штуковинам скептически. Капризные в обращении, тяжелые. Дальше чем на пятнадцать шагов не бросишь, а главное, пользоваться ими никто не умеет. По плакатам изучали.

– Тренировку бы надо провести, – предложил комбат. – Ящик потратим, зато будем знать, как и что.

– Брось, Григорий Пантелеевич, – воспринял это как шутку комполка. – И так все ясно в инструкции указано. Ни к чему лишний грохот поднимать, да и, не дай бог, ЧП случится.

Командир полка отбыл, а Зимин приказал открыть для новых гранат отдельную щель. Рванут ненароком десять ящиков, траншеи обвалят.

В воскресенье, 22 июня, должны были состояться спортивные соревнования. Комиссар хотел было вызвать лучших спортсменов пограничных застав на трехдневные сборы, но его осадил начальник отряда Платонов:

– Какие, к черту, сборы! Пусть службу несут. Непокойно на границе.

– Не накручивай, Алексей Викторович. Может, и соревнования прикажешь отменить?

– Может быть. Сейчас караулы усиленные нужны, а не соревноваться друг с другом, кто быстрее пробежит.

– Ну уж нет, – вскинулся комиссар. – И так разговоры всякие идут. А соревнования и другие мероприятия должны подтвердить стабильность обстановки.

В субботу, как обычно, на заставах устраивали банно-прачечный день. Звонил Артем Ясковец, начальник пятой заставы. Сообщил, что задержали перебежчика, польского солдата. Передавать по телефону все детали разговора с перебежчиком старший лейтенант не рискнул.

– Приезжай на часок в воскресенье, – пригласил он Журавлева. Не удержавшись добавил: – Плохие новости.

– Я хороших и не жду, – отозвался капитан. – Подъеду, встретимся.

Жена Вера запланировала кое-какие покупки в райцен-

тре.

– Ты со мной не поедешь?

– Нет. Но ребята на соревнования собираются, тебя проведут.

– Когда это будет? Мне бы с утра пораньше надо на базар успеть.

Командир саперного взвода Кондратьев тоже решал свои проблемы. Его подразделение оставалось, по существу, безоружным. На тридцать бойцов насчитывалось всего четыре винтовки, которые выдавали караульным. В ответ на просьбы вооружить саперов Кондратьева осаживали:

– Вы что, воевать там собрались? Работы полно, а тебе винтовки понадобились.

– А если провокация со стороны немцев?

– Ты не о провокациях думай, а как лучше укрепления построить.

– Строим, но без оружия нельзя. Мы все же воинское подразделение.

В пятницу настрой начальства изменился. Кондратьеву позвонили и приказали получить оружие. Журавлев выделил ему повозку, и в субботу лейтенант привез винтовки и патроны. Планировал раздать их в воскресенье.

Много чего планировали люди на воскресенье, двадцать второго июня сорок первого года.

Глава 3

Двадцать второго июня

Один из самых черных дней в истории России. Как поется в знаменитой песне неизвестного автора:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война...

Первые выстрелы на участке шестой заставы раздались, когда едва забрезжил рассвет. Николай Мальцев и Петр Чернышов находились на посту возле речки Сан. Две надувные лодки выплыли из зарослей левого берега, в каждой сидели по несколько человек. Кто они, разглядеть было невозможно. Лишь когда первая лодка достигла середины речки, оба пограничника увидели, что это немецкие солдаты.

Выделялись массивные каски, виднелись стволы оружия. Кажется, в лодке были пятеро, двое бесшумно и умело гребли. Возможно, Мальцев не рискнул бы открыть огонь. Слишком усердно призывали не поддаваться на провокации, особенно в последнюю неделю после сообщения ТАСС.

Но, кроме лодок, в небе тройками проносились самолеты с той стороны, и где-то справа хлопнула раз и другой винтов-

ка, отстучала автоматная очередь. На левом берегу мелькали расплывчатые тени, а ближняя лодка уже приближалась. Надо было принимать решение.

– На самолетах кресты, – шепнул Чернышов. – Вот чертовщина...

– Открываем огонь.

Нажимая на спуск, Николай ощутил легкий холодок, что сейчас все оборвется, уйдет прежняя жизнь, и, кажется, началась война. Короткая очередь взбила фонтанчики воды у носа лодки, и эти удары пуль о воду звучали едва не громче, чем сами выстрелы. Сержант вначале почти неосознанно занизил прицел, но уже через секунду ударил более длинной очередью в чужие силуэты.

В лодке сверкнули вспышки. Над головой с тугим быстрым свистом пронеслась светящаяся трасса. Следом еще. Мальцев выпустил три очереди подряд. В лодке кто-то вскрикнул, один из солдат перевалился через борт.

По воде шлепали веслом, торопясь преодолеть последние метры. Другое весло плыло по течению. Поперек борта лежал немец, каска слетела с головы, светлым пятном выделялись белокурые волосы.

Впереди будет долгая война, путь между жизнью и смертью, потеря близких людей, но сержанту Мальцеву навсегда врезались в память до мелочей эти минуты первого боя. Как он ломал себя, стреляя во врага, который еще вчера считался союзником. Когда лодка все же ткнулась в берег, она была

пробита в нескольких местах, съжилась и с шипением выпускала воздух.

Из нее выбрались двое и сразу залегли у кромки кустов. В лодке кто-то шевелился, стонал, она осела под тяжестью трех тел, убитых и раненых. Двое под берегом стреляли, не высовываясь под огонь.

Мальцев не выпускал из виду вторую лодку, которая торопилась уйти по течению подальше от выстрелов русских пограничников. Следовало спешить к ней, но и бежать под пулями двоих высадившихся немцев было слишком рискованно.

Петро Чернышов, опустошив обойму, забивал в казенник следующую. У обоих имелось по одной гранате Ф-1, которыми можно было добить оставшихся солдат из первой лодки. Но не так просто дается переход от мира к войне. Доставая тяжелую ребристую «лимонку», Николай все еще медлил, прежде чем выдернуть кольцо.

Мальцев дал команду сменить позицию. Оба отползали метра на три. Из-под берега продолжал сыпать очереди чужой автомат, хлопала винтовка. С противоположного берега ударил пулемет, нащупывая трассами русских пограничников.

Слегка приподнявшись, Николай швырнул гранату и сразу прижался к земле. «Лимонка» взорвалась в воде. Сам взрыв прозвучал коротко и приглушенно. Зато с шумом выплеснулся фонтан воды, звонко хлопнув о вздернутый нос

лодки, где скопился воздух.

Закричал автоматчик. Полез на берег, прикрыв лицо ладонью и вытянув вперед вторую руку. Возможно, он обернулся на всплеск упавшей лимонки, и осколки угодили ему в лицо.

Пулемет на левом берегу молотил непрерывно. Петро выстрелил в автоматчика, но промахнулся. Мальцев тянул товарища прочь с этого места, которое простегивалось вдоль и поперек. Брызнула, словно скошенная, густая, влажная от росы трава, ивовый куст смахнуло, разлетелись в стороны верхушки.

Николай спешил ко второй лодке, Чернышов бежал рядом. Оба на несколько секунд увидели результаты взрыва. Шестисотграммовая Ф-1 с сильным зарядом взрывчатки изрешетила осколками и чугунным крошевом лодку, сбросила в воду тело светловолосого солдата.

Раненый автоматчик продолжал брести, закрыв ладонью лицо и шаря перед собой другой рукой. Уцелевший немец под берегом стрелял не целясь. Вторая лодка ткнулась в прибрежный откос, из нее выскакивали люди в касках, устанавливали пулемет на сошках.

Начинать с ними бой было бы безрассудно. Против пяти человек с пулеметом они ничего не сделают. Пулемет дал одну и другую очередь, прикрывая солдат, подковой залегших на берегу. От левого берега отделились еще две лодки, переправу уже не остановить.

Над заставой, шипя, взвились три красные ракеты, через короткий промежуток еще одна – сигнал сбора всех постов.

– Николай, на заставе тревога, – показывал рукой Чернышов.

– Подожди... сейчас.

Мальцев забрал у напарника гранату, бросил ее из-за дерева и, дождавшись взрыва, шепнул Петру:

– Уходим.

Вслед трещали очереди и одиночные выстрелы. Мальцев и Чернышов, как было предписано, бежали к заставе. Черныш, не в силах сдержать возбуждение, бормотал:

– Крепко мы их уделали. Наверное, всю команду той лодки положили.

Николай то ли не расслышал его, то ли думал о своем.

– Война... Вот ведь черт, напали сволочи...

На восток проносились новые звенья чужих самолетов. Вдалеке глухо отдавались взрывы. К берегу причаливали резиновые и деревянные лодки, с них быстро высаживались и бежали вперед отделения немецких солдат.

Из разорванной лодки вынесли два трупа и раненого. Санитары бинтовали лицо автоматчику, получившему несколько осколков. Он пытался подняться, отталкивал санитаров, искал свое оружие.

– Успокойся, – слегка похлопал его по плечу унтер-офицер. – Для тебя война закончилась.

– Почему так темно? – испуганно воскликнул он.

Солдату никто не ответил.

* * *

Если Мальцев с напарником сумели провести свой первый бой быстро и довольно успешно, то другому посту на сухопутной части границы повезло меньше.

Сержант на вышке, заметив чужие самолеты, сразу соединился с заставой и доложил дежурному.

– Видим, – коротко ответили ему. – Продолжать наблюдение.

Сержант взвел недавно полученный автомат ППШ, окликнул второго часового, находившегося неподалеку от вышки:

– Костя, будь наготове.

– Так точно, товарищ сержант.

Костя Орехов пришел на заставу в конце зимы. До этого полгода находился в учебном полку. В службу втянулся, участвовал в задержании нескольких нарушителей и действовал уверенно.

Винтовка заряжена, поставлена на предохранитель. В под сумках на поясе имелось одиннадцать запасных обойм и граната в брезентовом чехле. Сержант на вышке пришел из учебки вместе с Ореховым и опыта имел не больше. Получил сержантские угольники за успешную учебу и хорошо сданные зачеты.

Костя Орехов, несмотря на семь классов образования, путался в формулировке уставов, которые надо было старательно зубрить, да и политподготовка хромала. Особенно терялся он, когда приходилось перечислять должности и звания высших лиц государства. Однако в вопросах службы быстро показал себя смышленным и уверенно действующим бойцом, а по стрелковой подготовке занимал место в первой пятерке.

Когда Орехов увидел в утреннем тумане медленно передвигающиеся силуэты, он снял винтовку с предохранителя и отступил за ствол толстого тополя. До них было шагов сто пятьдесят. Силуэты приостановились, впереди было расчищенное от деревьев и кустарника открытое место.

Кажется, чужих солдат трое, все они пересекли границу и контрольно-следовую полосу. Остановились лишь на несколько секунд, затем не спеша зашагали дальше. У них было оружие, Костя разглядел каски, солдатские ремни, противогазные коробки на боку.

Это были не просто нарушители, а солдаты, спокойно идущие сквозь пограничную зону. Орехов беспокоился, хотел окликнуть сержанта на вышке, но не стал. Тот не хуже его видит нарушителей.

– Стоять, – скомандовал сержант. – Вы нарушили государственную границу Советского Союза.

Костя услышал, как он торопливо докладывает на заставу о появлении вооруженных немецких солдат. У реки послышалась автоматная очередь, по звуку наш ППД. Затем оче-

реди и выстрелы слились в сплошную пальбу. Трое продолжали свой путь. Один из них, шагавший впереди, поднял руку, возможно желая что-то объяснить.

Сержант снова приказал остановиться и щелкнул затвором. Костя держал на мушке немца, поднявшего руку. Дальше все происходило быстро и неожиданно.

Из-за спины старшего группы выдвинулся человек и вскинул автомат. Стрелял он частыми короткими очередями, к нему присоединился еще один автоматчик. Пули прошли ограду вышки, сержант отшатнулся и упал на дощатый пол.

У него была пробита грудь, не действовала рука. Дисциплинированный, но нерешительный сержант из последних сил поднял трубку полевого теле фона:

– Провокация... обстреляна вышка номер два, я ранен... слышите меня?

Сознание мутилось, сержант чувствовал, как из ран вытекает кровь, но даже сейчас он не рискнул произнести слово «нападение» и отгонял мысли, что это война. Он продолжал докладывать, что нападавших трое, а самолеты, кажется, с крестами.

На самом деле трубка выпала из рук. Сержант лежал на досках в луже расплывающейся крови и не видел, как, пытаясь ему помочь, стрелял в нападавших напарник.

Орехов сумел ранить автоматчика, двое других залегли и били короткими очередями. Пули свистели совсем рядом. Несколько штук ударили о ствол тополя, сверкнули вспышки

мелких разрывов. Крошечные осколки хлестнули по щеке и левой руке, которой он сжимал ложе винтовки.

Бьют разрывными! Костя отполз в сторону, сменил обойму. Остаться здесь было слишком опасно, но и бросить раненого товарища он не мог. Девятнадцатилетний парень еще не знал, что уже действуют жестокие законы войны, которые рушат прежние понятия. Пуля сорвала с головы фуражку, он уткнулся лицом в траву и выстрелил наугад.

Старший из немецкой разведгруппы знал, что на вышке находится телефон. Там ворочался недобитый пограничник, возможно пытался связаться с заставой. Несколько очередей пробили наискось доски и умирающего сержанта. Затем огонь обрушился на Костю Орехова, и он стал отползать, понимая, что больше ничего сделать не сможет.

* * *

Связь с отрядом прервалась в очередной раз часа в два ночи. Журавлев после недолгого колебания приказал поднять заставу по тревоге. На другой стороне границы слышался гул моторов, угадывалось перемещение немецких частей. Затем стали поступать звонки с постов. Над заставой прошли самолеты, затем сразу в двух-трех местах завязалась перестрелка.

– Неужели война?

Когда раздались взрывы первых авиабомб, Журавлев в этом уже не сомневался. События разворачивались быстро.

С вышки номер два пришел непонятный звонок о какой-то провокации. Дежурный слышал в телефонной трубке звук автоматных очередей.

С вышки на территории заставы докладывали, что видят вспышки выстрелов. Журавлев вместе с политруком Зелинским обходил траншеи, где согласно боевому расписанию пограничники быстро заняли свои места. Старшина Будько с помощником носили ящики с патронами и гранатами.

Прибежал командир саперного взвода Кондратьев и, козырнув, доложил, что его люди построены. В наличии тридцать один человек, вооружение двадцать четыре винтовки и тысяча пятьсот патронов.

– Занимай левый фланг.

– Иван Макарович, подбрось патронов и дай еще несколько винтовок.

– Веди людей, а оружие и патроны принесет старшина.

В этот момент вошел Николай Мальцев и торопливо доложил о боевом столкновении с немцами. Снова позвонил дежурный, а из траншеи застучал станковый пулемет.

Атака началась с ходу, сразу с трех сторон. Под прикрытием нескольких пулеметов короткими перебежками приближались десятки немецких солдат, многие вели огонь на ходу.

– Что они делают? – то ли спросил, то ли удивился Зелинский.

– Выполняют приказ, – отозвался Журавлев, взглядываясь в бинокль.

Для него, как и для многих на заставе, мгновенный переход от мира к войне был не только неожиданным, но и оглушительным по своей внезапности. Но люди действовали быстро, и приказы Журавлева исполнялись мгновенно.

Капитан сгоряча дал команду открыть огонь из всех семи пулеметов. Но буквально через несколько минут отменил приказ, оставив один «максим» и два ручных «дегтярева» в резерве.

Немцы были уже хорошо видны в лучах восходящего за спиной солнца. Серо-голубые мундиры, солдаты туго затянуты в портупей, на головах у всех каски, вооружены винтовками и автоматами.

Наступали они грамотно. Это была не та атака, которую начальнику заставы пришлось видеть на совместных учениях с войсками округа. Тогда красноармейцы бежали волнами без остановки, с примкнутыми штыками и криками «ура».

Вели огонь холостыми зарядами полевые пушки и станковые пулеметы. Условный противник тоже отвечал густым треском холостых патронов, но разве остановишь молодецкий напор красноармейских цепей, сверкавших начищенными штыками!

Здесь подобная лихая атака была бы обречена. Пять пулеметов, плотный огонь автоматов и винтовок положили бы наступающие цели. Журавлев видел, что его бойцы подготовлены, ведут прицельную частую стрельбу, и противник так просто их не возьмет.

Впрочем, какой к черту противник! Надо забыть это слово. Есть враг, и воевать, судя по всему, он умеет. Немецкие солдаты появлялись и тут же исчезали, находя любые укрытия. Хотя кустарник и даже высокая трава на подступах к заставе были выкошены.

Метрах в трехстах продвижение немцев замедлилось. Зато усилили огонь пулеметы. В основном это были скорострельные МГ-34, знакомые Журавлеву по учебным плакатам на курсах переподготовки. Преподаватели, следуя обычной советской методике, отзывались насчет МГ-34 свысока. Перечисляли кучу недостатков, хвалили наши «максимы» и «дегтяревы».

Сейчас Журавлев наяву слышал рычащий звук этих мощных пулеметов, посылающих тринадцать пуль в секунду. Сменные стволы и металлические ленты позволяли вести непрерывный огонь.

Новый деревянный забор, гордость старшины Будько, перекосило от множества попаданий, в нескольких местах выбило доски. Звенели и разлетались окна в здании заставы. Крошился кирпич-сырец, часть пуль пробивали стены, кое-где вспыхивало пламя от зажигательных пуль. Пока его быстро гасили, но появились первые потери.

Пара немецких пулеметов работали на эффект, дырявя длинными очередями забор, сараи, кроша кирпичные стены заставы. Два-три других не жгли с такой быстротой патроны, а пристреливались к русским «максимам» и «дегтяревым».

Началась дуэль с целью погасить русские пулеметные точки.

Какие потери несли расчеты немецких МГ-34, было неясно, зато уже через несколько минут Журавлеву доложили, что убит второй номер одного из «максимов».

– Заменить, – коротко приказал начальник заставы.

Он подошел к пулеметному гнезду. Первый номер продолжал стрелять. За минуту в щит с лязгом врезались несколько пуль. Удары встряхивали тяжелый пулемет, дымился от попаданий бруствер. Пуля пробила и подбросила пустую коробку из-под ленты.

Журавлев наклонился над убитым. Боец был из последнего пополнения, совсем молодой. Смерть исказила черты лица, оно неестественно пожелтело, глаза динамическим ударом выбило из орбит, волосы слиплись от крови. Это был первый убитый на войне его подчиненный. Впрочем, на дальних постах тоже имелись погибшие.

Капитан накрыл лицо парня фуражкой. Сержант Миша Колчин уже подводил к пулемету нового помощника. Оба несли коробки с лентами и цинковый ящик патронов. Пулеметчик обернулся к начальнику заставы, вытер пот с лица.

– Веду огонь по немецким пулеметам, – доложил он. – Патроны быстро расходуются.

Пули снова хлестнули по брустверу, все невольнo присели. Давать какие-то указания не имело смысла, и Журавлев лишь кивнул головой.

– Не высовывайся. Ты мне живой нужен.

Через минуту прибежал боец с другого конца оборонительной полосы и доложил, что немецкими пулями продырявлен кожух «максима». Вместе с командиром пулеметного отделения Колчиным торопливо зашагали на правый фланг.

Люди на секунду отрывались от оружия и провожали взглядами Журавлева. Затем снова начинали вести огонь. Возле «максима» уже находился старшина Будько. Журавлев осмотрел издырявленный кожух, видимо сюда попали разрывные пули.

– Попробую заменить кожух, – сказал Будько. – У меня есть запасной.

– Давай. Колчин, пусть открывает огонь резервный «максим». Как твой «дегтярев-станковый»?

– Вроде ничего. Помощник из него стреляет.

На минуту заглянул в дзот. Бревенчатое, засыпанное слоем земли сооружение держало пули. Одна из амбразур была закрыта металлической заслонкой. Из второй вел огонь ДС-39.

Хоть и замаскированный, дзот выдавался горбом на фоне траншеи и забора. Он притягивал к себе пули. Толстые доски по краям амбразуры были излохмачены прямыми попаданиями. Если пулеметчики в траншее могли менять позиции, то здесь Колчин и его помощник чудом уклонялись от пуль.

На глазах Журавлева расщепило бревно над амбразурой, посыпалась земля. Пули прошли насквозь и звучно вонзились в дерево над головой. Начальник заставы и оба пуле-

метчика пригнулись. Дзот уже не казался капитану таким надежным укрытием.

– Перетаскивайте «дегтярева» к другой амбразуре, – сказал Журавлев.

– Есть, – отозвался сержант.

Но едва открыли заслонку второй амбразуры, как туда влетели сразу несколько пуль.

У Журавлева не было возможности даже для короткой передышки, чтобы сбегать узнать, все ли в порядке с женой. Приходилось решать множество вопросов, хотя сержанты действовали вполне самостоятельно. В течение получаса погибли еще двое пограничников, человек пять раненых перенесли в полуподвал, где с ними занимались санитар Данила Фомиченко и жена Журавлева Вера.

Легкораненые оставались на своих местах, бинтуя друг друга. Здесь лежали и сидели тяжелые, получившие пули в лицо, грудь, с перебитыми руками. Фомиченко умело останавливал кровь, накладывал шины, делал перевязки, но помочь тяжелораненым был не в силах. Растерянно обратился к начальнику заставы:

– Надо срочно вывозить людей. Двое без сознания, у этого легкое пробито. Им врач срочно нужен.

Стрельба шла уже на флангах. Журавлев вызвал Андрея Щербакова.

– Бери ездового, грузите раненых и дуйте в отряд. Хватит одной повозки? Вторую в запас бы надо оставить.

– Хватит, товарищ капитан, – кивнул Фомиченко. – Один безнадежный, его трогать не надо.

Безнадежным был младший сержант, раненный двумя пулями в голову. Он не приходил в сознание, лишь иногда пробегала дрожь по рукам с синеющими ногтями.

– Вера, ты тоже поедешь. Здесь тебе делать нечего.

Жена молча кивнула. Они прожили вместе одиннадцать лет. Прожили неплохо, и Вера не могла представить, что мужа могут убить. Она хотела остаться рядом с ним. Казалось, что на ее глазах с Иваном ничего не случится. Но спорить было бесполезно. Они торопливо попрощались, и через десять минут Вера вместе с Андреем Щербаковым торопливо шагала вслед за повозкой.

В кармане сержанта лежала записка, адресованная командиру отряда. Журавлев лаконично сообщал: «Застава ведет бой. Связь прервана, ждем помощи от стрелкового полка прикрытия».

В конце записки капитан хотел дописать фразу: «Свой долг выполним». Ее подсказал Илья Зелинский. Журавлев ответил:

– Здесь не партсобрание. Пошли, кажется, опять началось.

* * *

Впрочем, бой не прекращался. Николай Мальцев расстрелял оба диска к своему ППД и торопливо заряжал их, захва-

тывая горстями патроны из раскрытой коробки. Под ногами хрустели гильзы, которыми было засыпано дно траншеи. Виднелось впитавшееся в землю большое пятно крови.

В отделении Мальцева один человек уже выбыл с тяжелым ранением. Пять минут назад был убит другой. Парень присел, чтобы сменить обойму. Когда вставал, немцы словно поджидали его. По брустверу хлестнула очередь, пуля попала в лицо и вышла из затылка.

Тело отнесли в дальний угол траншеи, а винтовку погибшего и подсумки с обоймами Николай оставил себе. Неподалеку стрелял из снайперской винтовки Василь Грицевич. Белорус действовал на редкость хладнокровно и вел неторопливый огонь, словно выполняя обычную работу.

С час назад, когда все начиналось и не до конца были ясны масштабы нападения, Грицевич растерянно предположил:

– Может, пограничный конфликт? Случалось ведь такое...

Но в небе сплошным потоком шли немецкие бомбардировщики. Отбомбившись, одни возвращались, их сменяли новые эскадрильи, тяжело завывая перегруженными моторами. Взрывы отдавались толчками за многие километры. Сомнений уже не оставалось – это война.

У Василия Грицевича семья жила в поселке под Ковелем, сто километров от границы. Значит, они тоже не останутся в стороне.

– Чего им надо? – бормотал снайпер, выцеливая что-то

вперед.

Выстрелив, сразу пригнулся. В ответ пронеслась пулеметная трасса. Полетели комья земли с бруствера, затрещал от новых попаданий сплошь издырявленный забор. Петя Чернышов невольно лягнул зубами, хотел что-то сказать, но сумел лишь глотнуть воздух.

Он стоял в двух шагах от погибшего товарища, тот угодил под пулеметную очередь. Черныш успел пригнуться, пуля пробила верх зеленой фуражки, шевельнув волосы жутким холодом. Теперь он каждый раз преодолевал страх, высовываясь для очередного выстрела.

– Страшно, Петя? – спросил Грицевич.

– Нет. А чего бояться? От судьбы не уйдешь.

– Врешь, Петька. Страх, он всегда в башке сидит. Ломаешь его, а он снова приходит.

– Глянь, что делают, сволочи, – пристраивая автомат, крикнул Мальцев.

Группа из полутора десятков немецких солдат под прикрытием пулеметного огня заходила с левого фланга там, где оборону держали строители-саперы. Это было штурмовое отделение, одно из нескольких, которые нащупывали слабые места в обороне.

Они двигались быстрыми короткими перебежками, большинство были вооружены автоматами. Вели огонь на ходу. Когда ложились, тоже стреляли, поддерживая бегущих камадров. Следом за этой группой приближалась другая. Чув-

ставалось, что солдаты хорошо обучены. Они возникали на мушках оружия на считанные секунды, затем снова исчезали. Целиться в них было трудно, пули летели мимо. Журавлев приказал Мальцеву, Грицевичу и Чернышову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.